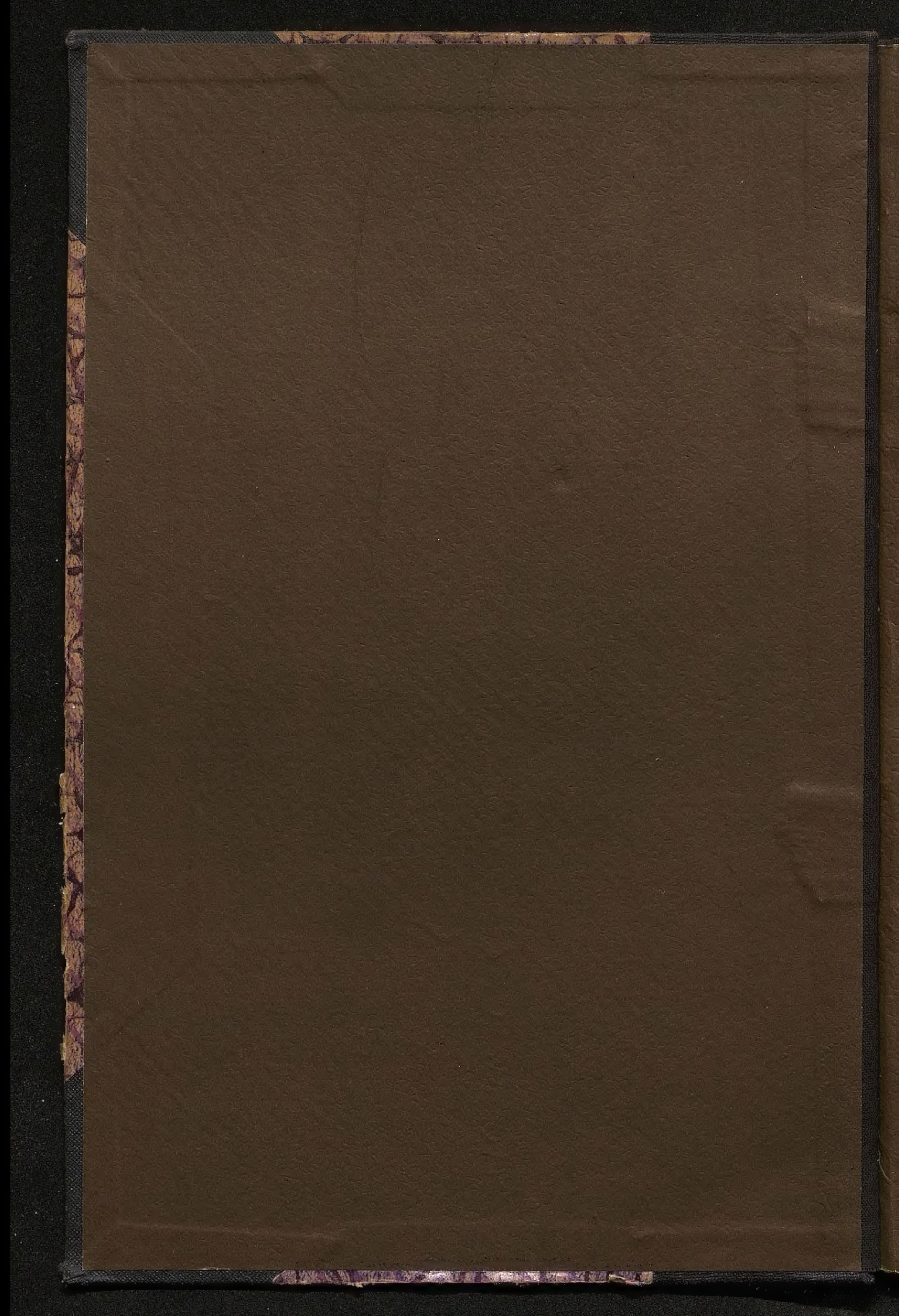
5
ЛЕТ
СОВЕТСКОЙ
ВЛАСТИ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

5 ЛЕТ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ.

(Материалы к празднованию пятилетней годовщины октябрьской революции).

Издание Сиббюро Ц. К. Р. К. П.
г. Новониколаевск.

ОТ РЕДАКЦИИ.

Составляя настоящий сборник, редакция его,—агитпроп Сиббюро ЦКРКП, преследовала исключительно цели агитационные, а именно: использовать случай *пятилетней годовщины Октябрьской революции и трехлетней годовщины освобождения Сибири от колчаковщины*, для ознакомления широких масс трудящихся Сибири, с одной стороны—с конкретной историей образования Советской республики и возникновения колчаковщины, а с другой,—путем специально подобранного материала, возможно ярче, обрисовать наиболее драматические моменты из истории борьбы с колчаковщиной. В этих целях из всего имеющегося печатного материала, разбросанного по разным изданиям, было взято и соответствующе переработано все наиболее подходящее. Помещать в сборнике возможно больше „своего“, „оригинального“ материала, редакция сочла ненужным.

Сборник предназначен, главным образом, для группового чтения на „вечерах воспоминаний“. Эти вечера должны быть приурочены к Октябрьской годовщине. Но, несомненно, на одном вечере сборника одолеть не удастся, а потому чтение нужно перенести на другой вечер. Во всяком случае, организациям, занимающимся агитационно-пропагандистской работой, не следует смотреть на сборник как только на узко-специальный, приуроченный к определенному событию, именно: к 5-летней годовщине Октябрьской революции. Наоборот, Октябрьские торжества должны послужить лишь началом длительной и упорной работы по ознакомлению широких трудящихся масс Сибири с историей Октябрьской революции, колчаковщины и героями борьбы с ней. И в этой работе, которая будет длиться не дни и недели, а месяца, выпускаемый сборник должан являться, пока что, первым пособием, доступным, как в смысле подбора материала, так и его изложения, самым широким массам рабочих, крестьян и красноармейцев.

Агитпроп. Сиббюро ЦКРКП.

Октябрь 1922 года.

Как образовалась Советская Республика.

1. Образование Первого Временного Правительства.

Доведенный империалистической войной и связанной с ней дороговизной жизни и спекуляцией до отчаяния, питерский пролетариат 23 февраля 1917 года вышел на улицу. „Хлеба! Мира! Долой царское правительство!“.—Вот, что было первым криком февральской революции.

Не в пример 1905 году, когда крестьянство и армия не поддержали борющихся с царизмом рабочих, в результате чего революция 1905 года была разгромлена, рабочие в февральской революции 1917 г. нашли поддержку 15 миллионной армии. Войска поголовно переходили на сторону восставших рабочих.

Потерпев неудачу вооруженной рукой подавить восстание петроградских рабочих и гарнизона, Николай II отрекся от престола, завещая последний своему брату Михаилу. Но „хозяином земли русской“ была уже революция, перед которой ни один Романов не решался надеть на себя корону. Поэтому и Михаилу ничего не осталось, как „добровольно“ отказаться от престола.

Власть перешла в руки комитета буржуазной государственной думы, который составил 1-е Временное Правительство из представителей крупной буржуазии.

Председателем этого „революционного“ правительства был князь Львов, один из крупнейших помещиков, во время войны вопивший о „войне до конца, до полной победы“, и ползавший перед царем буквально на коленях. Министром иностранных дел был Милюков—один из наиболее ярких выразителей (захватнических) империалистических стремлений русских капиталистов. Захват Дарданелл и Армении, расчленение Австрии, уничтожение Турции, разгром Германии, огромные контрибуции—вот те интересы во имя которых вел Милюков войну до „победоносного конца“. Военным министром был Гучков, старый погромщик, высказывавшийся всегда против равноправия национальностей, стоявший за сохранение прав помещика на всю землю, приветствовавший в 1905—6 г. карательные экспедиции и кровавые расправы с рабочими.

Входили в состав Временного Правительства и другие, не менее видные и заслуженные, „революционеры“. „Революционные“ заслуги министра финансов Терещенко заключались в том, что он до войны имел капитал в 32 миллиона золотых рублей, хорошие рысистые лошади и прекрасные сахарные заводы на Украине.

Министром торговли и промышленности был Коновалов, известный в Москве богач-фабрикант и биржевой делец. Только одно место в правительстве по обстоятельствам времени самое „завалящее“,—министерство юстиции, было отдано „социалисту-революционеру“ Керенскому, очевидно, в знак благожелательного отношения крупной буржуазии к народу.

В своей первой декларации Временное Правительство обязывалось дать амнистию, установить свободу слова, печати союзов и прочее, т. е. щедро обещало, все те свободы, которые революция уже осуществила на деле. В то-же время декларация хранила гробовое молчание о самых жизненных вопросах для трудящихся классов: о земельной реформе, о рабочем законодательстве, о мире и проч.

Самым роковым вопросом был вопрос о войне и мире. Широкие массы трудящихся жаждали мира. Милюков-же, в качестве министра иностранных дел в одной из своих первых нот к союзникам, заявил, что „только теперь Россия начнет воевать по настоящему“, „с напряжением всех своих сил“. Тем не менее, под давлением на-

родных масс, требовавших опубликования тайных договоров, Временное Правительство вынуждено было 27 марта в ноте к союзникам заявить, „что Россия не стремится к насильственным захватам чужих земель“. Но несколько недель спустя, 18 апреля, Милюков обратился к союзникам с новой нотой, в которой пытался раз'яснить „недоразумение“, созданное нотой 27 марта. В этой новой ноте Милюков заявил резче, чем когда-бы то ни было, что Россия будет воевать „до конца“, безусловно соблюдая все взятые ею перед союзниками обязательства.

Нота вызвала бурю негодования. В Петрограде и в Москве 21—23 апреля состоялись бурные демонстрации с лозунгами „долой Милюкова, Гучкова“, „долой министров—капиталистов“. „Да здравствует мир и братство народов“. „Требуем мира без аннексий и контрибуций“.

После неудачной попытки расправиться с демонстрантами, главари буржуазного правительства, Гучков и Милюков, вынуждены были подать в отставку.

2. Второе (коалиционное) Временное Правительство.

Нужно было создать новое правительство. Но каким образом?

Наша партия доказывала, что единственный выход—это передача власти советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Большевики раз'ясняли рабочим, солдатам и крестьянам, что при сохранении власти в руках капиталистов и помещиков трудящимся массам не добиться ни мира, ни земли, ни свободы.

„Временное Правительство есть правительство капиталистов“. Оно не может отказаться от стремлений к завоеваниям (аннексиям); оно не может кончить грабительскую войну демократическим миром, оно не может не охранять барыши своего класса (т. е., класса капиталистов), оно не может не охранять земли помещиков, писал т. Ленин в 1917 г. о Временном Правительстве.

Соглашательские-же партии—эс-эры (социалисты-революционеры) и меньшевики, пользовавшиеся в то время влиянием среди рабочих, солдат и крестьян и имевшие в советах большинство, отстаивали другую точку зрения. Не допуская даже и мысли, что рабочие и крестьяне могут управлять государством, они кое-как соглашались допускать рабочих в буржуазное правительство для того, чтобы „помогать“ буржуазии управлять.

Проникнутые безграничным благоговением перед мудростью буржуазии, меньшевики и эс-эры составили коалиционное министерство. Важнейшие посты, министерство иностранных дел, финансов, торговли и промышленности были предоставлены по прежнему министрам капиталистам Терещенко, Шингареву и Коновалову. Социалистам были отданы министерства второстепенные: почта и телеграф (Церетелли), продовольствия (Пешехонов), земледелия (Чернов), юстиции (Переверзев), труда (Скобелев), военным министром был выдвинут проходимец революции—Керенский, прозванный на фронте „главноуговаривающим“.

Новое правительство, как подобает в таких случаях, обратилось к народу с декларацией, в которой заявило, что оно будет стремиться к миру без аннексий и контрибуций, подготовлять передачу земли крестьянам, заботиться об экономическом положении рабочих, привлечь имущие классы к несению налогов, установить контроль над производством.

Наша партия заявила, что коалиционное правительство есть правительство народного обмана, что ни одно из своих обещаний правительство не выполнит, ибо министры капиталисты не будут проводить в жизнь мероприятий, идущих в разрез с их интересами, что они будут или саботировать, или же наотрез откажутся работать вместе с социалистами.

Наше большевистское предсказание сбылось очень скоро. В то время, когда министр труда, „социалист“ Скобелев, говорил социал-патриотические речи, призывая рабочих к трудам и жертвам, министр финансов, кадет Шингарев, перерабатывал подоходный налог на буржуйские прибыли с таким знанием дела, что все военные сверх-прибыли оставались по новому закону в карманах капиталистов. Что-же касается поимущественного налога, то Шингарев, при поддержке всех остальных кадетских министров, наотрез отказался проводить его. Такой-же отказ был дан „социалистам соглашателям“ по вопросу о регулировании промышленности, считая недопус-

стимым раскрытие „коммерческой тайны“. Министр торговли и промышленности, Коновалов ушел в отставку. Из солидарности с Коноваловым в таком деликатном вопросе ни один порядочный капиталист не соглашался занять его место и первое коалиционное правительство осталось без министра торговли и промышленности до конца дней своих.

Не лучше обстояло с вопросом о передаче земли крестьянам. Разрешение земельного вопроса отложено было „до учредительного собрания“, созыв которого постоянно откладывался. Между тем шла бешеная земельная спекуляция. Крупные помещичьи имения закладывались или продавались по частям кулакам. Коалиционное правительство этим спасало земли крупных помещиков от конфискации, помогая помещикам перевести свои земли на „чистоган“ и вложить этот „чистоган“ в ростовщические военные предприятия.

3. Вопрос о войне, наступление 18 июня.

Удержала свою позицию буржуазия также и в вопросе о войне. Правда, под давлением революционных масс—солдат и рабочих—коалиционное временное правительство вынуждено было дать бумажное обещание добиваться мира без аннексий и контрибуций. 2-ое временное правительство, как и первое, отказалось опубликовать тайные договоры царского правительства с союзниками и ровно ничего не делало для пересмотра целей войны.

Эта неясность целей войны разлагала армию. Солдаты никак не могли понять, что это такое за революционное правительство, которое продолжает политику царя. На фронте началось определенное брожение. И вот в такой обстановке союзники категорически потребовали от соглашательского коалиционного правительства перехода в наступление. Не имея мужества порвать с союзниками, вопреки предостережениям нашей партии, которая говорила, что наступление—безумие и что оно развалит окончательно армию, военный министр Керенский 18 июня, когда 400000 питерских рабочих вышли на демонстрацию с лозунгами—„Долой тайные договора“, „Долой политику наступления“, Да здравствует честный мир! Долой десять „министров-капиталистов“!—бросил революционную армию в наступление.

Первые вести с фронта были благоприятные. Но победоносные вести шли не долго и заменились скоро мрачными сообщениями об отказе целых частей поддерживать наступающих, о гибели офицерства, из которого составлялись ударные единицы. Поэтому, начавшееся при помощи ударных баталионов, наступление через две недели закончилось огромным поражением, заставившим русскую армию очистить всю Галицию и большое пространство в нашем юго-западном крае...

Буржуазия поняла, что неудавшееся наступление может ей только повредить, если она останется у власти. Поэтому, умные министры-кадеты вышли из коалиционного министерства, свалив всю тяжесть ответственности на своих союзников, министров—„социалистов“.

4. „Июльские дни“. Разгул контр-революции.

Это произошло 2-го июля. Был это критический момент во всех отношениях. С разных концов фронта являлись делегаты и рассказывали о том хаосе, который воцарился в армии в результате наступления. Буржуазия же, желая расправиться с большевиками, всю вину за поражение на фронте сваливала на большевиков, которые будто бы своей преступной агитацией развалили армию. Буржуазия требовала „решительных мер“ против большевиков и восстановления железной дисциплины в армии и введения смертной казни.

В правительственных кругах царила величайшая растерянность. Меньшевики и эс-эры вместо того, чтобы, в виду отказа кадетов (буржуазии) участвовать в правительстве, передать власть в руки советов, в которых они составляли в то время еще большинство, приступили к составлению опять нового коалиционного правительства.

Когда весть о том, что меньшевики и эс-эры опять приступили к формированию нового коалиционного правительства и чуть ли не на коленях умоляют буржуазию дать туда своих представителей, распространилась по столице, петроградский пролетариат, несмотря на все старания большевистской организации, считавшей выступление преждевременным, не выдержал и 3—5 июля подавляющая часть петроградского гарнизона, при поддержке рабочих, в полном вооружении вышла на улицу с решительным требованием: „Долой контрреволюционное временное правительство", „Долой Керенского"! „Вся власть Советам"!.

Возбуждение масс было настолько велико, что большевистская партия должна была принять участие, чтобы внести в нее хоть какую-нибудь организованность и порядок.

Июльское выступление, по причине его недостаточной организованности, не увенчалось успехом. Против революционного Петрограда вызваны были из окрестностей юнкера и наиболее „надежные" части с фронта. Начался разгул реакции. Вся контр революция, от меньшевиков и эс-эров до откровенных черносотенцев, направила свое оружие против партии рабочего класса. Большевизм был об'явлен вне закона. Вожди рабочего класса—Троцкий, Луначарский, Каменев, Коллонтай заключены в казематы. Ленину и Зиновьеву удалось бежать от этой участи, потому что по настоянию центр. ком. коммунистической партии они укрылись в рабочих кварталах, а потом бежали в Финляндию. Против рабочих организаций был об'явлен поход. Юнкера врывались в помещения профессиональных союзов, забирали книги, переписку о деньгах. По всей стране шла охота на большевиков. Керенский по всему фронту разослал телеграмму с предложением арестовывать, по примеру Питера, всех большевиков. Контрреволюционные генералы и комиссары временного правительства с рвением занялись исполнением этого приказа: почти все полковые революционные комитеты были разгромлены, а наиболее активные участники посажены в тюрьмы. Партия большевиков наполовину ушла в подполье.

Но мало этого. Временное правительство, по требованию генерала Корнилова, ввело в армии смертную казнь. Наиболее ярыми сторонниками ее выступили „социалисты" Керенский (эс-эр) и Церетелли (меньшевик). Генерал Корнилов за „решительные меры" по восстановлению армии получил назначение верховного главнокомандующего. Керенский же, с уходом Львова, остался во главе правительства.

Правительство стало открыто контр-революционным. Оно даже боялось открыто заявить, что Россия—Республика. Смешно было слышать, как „социалист" Керенский, чтобы не раздражать контр-революцию, говорил о „российской державе" вместо российской республики. По части земельной реформы тоже ничего не делалось. Заседали лишь комиссии, время от времени созывались с'езды земельных комитетов, произносились речи о социализации, а земля оставалась в руках помещиков.

Обнаглевшая контр-революция выступила в качестве защитницы учредительного собрания. Она требовала, чтобы до созыва его не было принято ни одного закона, касающегося основ государственного и экономического строя России. Созыв же учредительного собрания, чтобы контреволюция могла выиграть время и сорганизоваться, откладывается на все новые и новые сроки.

Черносотенцы и кадеты начали требовать прекращения вмешательства в деле управления страной „безответственных организаций", т. е. советов. Генерал Корнилов требовал введения смертной казни, существующей уже на фронте, также в тылу и в первую очередь ее распространить на железнодорожников, шахтеров и рабочих, работающих на армию. Правительство, в лице Керенского, заявляло, что в принципе оно не возражает против этого и считает „решительные меры" необходимыми.

Но если окрепла и сорганизовалась открытая контр-революция, то лихорадочная работа шла и в лагере революции. По стране прокатилась волна крестьянских восстаний, принимавших с каждым днем все более острый, стихийный

характер. Временное правительство Керенского попыталось подавить эти восстания военной силой, но из этого ничего не вышло, так как не менее опасные, для временного правительства, волнения происходили и в войсках: не проходило и дня, чтобы в каком-нибудь городе не восставали целые части и даже гарнизоны.

Но июльские дни делу революции оказали и большую услугу. Они убедили всех колеблющихся, что единственный сейчас выход—передать власть советам, что для этого необходимо из этих советов выгнать меньшевиков и эс-эров, ибо советы, состоящие из них, никогда не решатся брать в свои руки власть. По всей стране с этого времени начинаются перевыборы советов, которые повсюду дают большинство большевикам и сторонникам Советской власти.

5. Государственное совещание. Корниловщина.

Временное правительство Керенского чувствовало, что оно начинает окончательно терять почву под ногами, что никакой поддержки у него ни у буржуазии, ни в революционных массах нет. В целях создать хоть видимость этой общественной поддержки, оно созвало в Москве 12 августа „государственное совещание" из представителей „всех классов". Лозунгом этой эсэро-меньшевистской затеи было „об'единение всех живых сил революции". Большевики, конечно, из числа этих „живых сил" были исключены. Зато богато был предоставлен крупный капитал.

Московский пролетариат приветствовал „государственное совещание" все общей политической забастовкой под лозунгами: „Долой контр-революцию", „Долой государственное совещание", „Вся власть Советам". А когда вожди соглашательских партий пытались выступать на митингах с призывом прекратить забастовку,—их просто выгоняли.

Одновременно Временное Правительство получило предостережение и с другой стороны—со стороны контрреволюции. „Главковерх" Корнилов в'ехал в Москву, как коронованный повелитель. Несмотря на то, что в то время в Москве уже находилось Временное Правительство во главе с Керенским, представители дворянства, буржуазии, генералы, казачество и даже буржуазные члены правительства направились встречать Корнилова на вокзал. С вокзала Корнилов, по примеру царей и цариц, отправился на поклонение к Иверской. Знатные дамы и девицы усыпали его автомобиль белыми цветами. Это с одной стороны. С другой—Корнилов приказал нескольким казачьим полкам с фронта двинуться на Москву, разогнать „государственное совещание" и арестовать Временное Правительство и соглашательские эсэро-меньшевистские советы. Этот заговор не удался только лишь потому, что железно-дорожники отказались перевозить казачьи эшелоны и дали знать об этом в Москву. Когда Корнилов появился в большом театре, где происходило „государственное совещание", многие, в том числе и Временное Правительство, знали о заговоре. Тем не менее, правительство Керенского не решалось арестовать заговорщика Корнилова. Наоборот, Корнилову на совещании была оказана, подобающая его высокому сану, торжественная встреча. Корнилов в своей речи говорил прямо и откровенно, что он хочет разгона армейских комитетов, восстановления дисциплинарной власти, начальников и „твердой власти" правительства. Цензовая часть совещания с одобрением встретила эту речь.

Государственное совещание продолжалось три дня и закончилось публичным рукопожатием „социалиста" Церетелли и представителя буржуазии Бубликова, долженствующее означать полное единство между „социалистами" и буржуазией, этими „живыми силами" революции.

На государственном совещании Корнилов, требуя „решительных мер", введения смертной казни и т. д., угрожал, что малейшее промедление в этом отношении может повести к новым *„тяжким потерям"*. Косвенно он намекал на падение Риги.

Едва только закончилась болтовня на государственном совещании, как „предсказания" Корнилова начали оправдываться: через неделю после его

речи действительно пала Рига. Теперь мы имеем неопровержимые доказательства, что Рига была сдана немцам, чтобы контрреволюция имела в своих руках еще один козырь для натиска на революцию.

С этого момента события начинают развиваться с головокружительной быстротой. Прошла еще неделя и контрреволюция начала свой решительный поход. Корнилов 26 августа пред'явил Временному Правительству требование передать ему всю власть в государстве, а в подкрепление этого требования приказал двинуться на Петроград кавалерийскому корпусу генерала Крымова и кавказской туземной дивизии („дикая дивизия“).

Временное Правительство, в том числе и сам Керенский, вместо того, чтобы принять против заговорщика Корнилова самые решительные меры, повело с Корниловым переговоры, на предмет замены „развращенного“ „разложенного“ якобы большевистской агитацией и поэтому „ненадежного“ петроградского гарнизона „свежими“ частями с фронта.

Спасло положение только то, что в то время, когда Временное Правительство вело торг с Корниловым, вся подлинно революционная Россия, все рабочие и солдаты встали на ноги для того, чтобы отстоять революцию, ибо было ясно, что победа Корнилова означает гибель революции и торжество буржуазно-генеральской диктатуры.

Мятеж Корнилова не удался, но Корниловские дни сослужили большую службу делу революции: они не только обнаружили с исчерпывающей ясностью неспособность Временного Правительства справляться с выдвинутыми революцией задачами, но показали также его контрреволюционность и соучастие его во главе с „социалистом“ Керенским в заговорах с буржуазией и генералами против революции.

В настроении рабочих и солдат по всей стране произошел коренной перелом. При перевыборах Петроградского и Московского, а затем целого ряда провинциальных советов, подавляющее большинство мест предоставлялось большевикам (коммунистам).

6. Последнее Временное Правительство и его политика.

После Корниловского мятежа, министр-председатель—„социалист“ Керенский снова приступил к сформированию нового *коалиционного* кабинета, ибо, по мнению меньшевиков и эс-эров, вне кадетской партии нельзя найти „деловых министров“.

Последнее коалиционное правительство, составленное Керенским по своему усмотрению, было реакционее, чем все предыдущие. Корниловщина, разбитая революционными рабочими и солдатами в открытом бою, была соглашателями задним ходом приведена к государственной власти.

Важнейшие посты в новом правительстве были предоставлены Московским тузам крупного капитала (Кишкин, Третьяков, Смирнов, Коновалов, Бурышкин, Четвериков). Для видимости коалиции к ним были пристегнуты такие „социалисты“, как Никитин, Малянтович, Прокопович и правый эс-эр Маслов.

Новое правительство приступило к систематической борьбе с революцией. Началось жестокое преследование рабочих союзов, забастовок и солдатских организаций. Министры-социалисты не отставали в этом от кадетов-корниловцев. Так „социалист“ Никитин об'являл своих почтово-телеграфных служащих вне закона за одну только угрозу забастовкой.

Занимаясь удушением революции, правительство не предпринимало ни одного шага для того, чтобы вывести страну из того тупика, в котором она находилась. Промышленность и пути сообщения продолжали разрушаться. Бешено вздувались цены, принося голод и холод. Но эта промышленная разруха входила в расчеты душителей революции. „Только костлявая рука голода положит конец анархии“—так говорил, на собрании крупных собственников, московский денежный туз, Рябушинский. Спекулянты-заводчики доходили даже до того, что умышленно ломали собственные машины, чтобы сократить производство и поднимать цены.

Подвоз провианта и снарядов на фронт все более сокращался, обрекая многомиллионную армию на неминуемую гибель. Измученные, до последней степени, солдаты приходили в отчаяние. Из окопов приходили делегаты. „До каких-же пор“,—говорили они на заседаниях Петроградского совета,—„будет тянуться это невыносимое положение“. Солдаты приказали нам заявить вам; „если до 1 ноября не будет сделано решительных шагов к миру,—окопы опустеют и вся армия бросится в тыл“. И действительно такое положение было на фронте. Солдаты передавали из одной части в другую самодельные листовки с призывом не оставаться в окопах дальше, как до первого снега.

Между тем, Временное Правительство, тащась на аркане союзников, продолжало скрывать тайные, захватнические договоры и призывать к войне „до победоносного конца“, что приводило солдат в бешенство.

Грозно разливалось по стране крестьянское движение. Революция превозгласила „землю и волю“, а крестьянам предлагали ждать до Учредительного Собрания, которое откладывалось без конца. Эс-эр Маслов за 7 месяцев революции засел за разработку нового проэкта земельной реформы. А пока что Керенский отдавал приказы об арестах революционных земельных комитетов, состоявших также нередко из эс-эров и приступавших, под давлением низов, к реформам „самочинно“.

7. Неизбежность новой революции и ее подготовка.

Такова была внешняя и внутренняя политика буржуазных диктаторов из последнего Временного Правительства. Вся программа сводилась к одному пункту: спасение буржуазии от революции. Вся государственная машина служила только этой цели.

Но эта-же программа Временного Правительства, диктовала трудящимся массам, под страхом военного разгрома, внутреннего развала, анархии и гибели, —единственный выход: восстание против буржуазной диктатуры, а это означало необходимость вырвать государственную машину из рук Временного Правительства. Это обозначало новую революцию.

Подготовку новой революции взяла на себя партия рабочего класса—большевики (коммунисты). Подготовка восстания шла совершенно открыто. „Одним из могущественных организационных оплотов большевистского течения стал Петроградский Совет“. Петроградский Совет открыто взял курс на восстание. Уже 25 сентября, когда меньшевики и эс-эры занимались составлением коалиционного министерства, Петроградский совет, в принятой по этому поводу резолюции, заявлял определенно: „правительству буржуазного всевластья и контрреволюционного насилья мы, рабочие и гарнизон Петрограда не окажем никакой поддержки! Мы выражаем свою твердую уверенность, что весть о новой власти встретит со стороны всей революционной демократии один ответ, в „отставку!“.

Протест Петроградского совета встретил горячий отклик со стороны Питерских рабочих, а также провинции. В многочисленных резолюциях питерские рабочие отказывались поддерживать Временное Правительство и требовали передачи всей власти Советам.

То же самое требовали и солдаты. Наконец, расшевелилось и крестьянство—этот последний оплот соглашательской политики. 2-го октября Петроградский совет крестьянских депутатов принял резолюцию о передаче власти Советам. 10 октября в Петрограде был созван с‘езд Советов Северной области. Он принял резолюцию, что коалиционное правительство в соглашение с буржуазией окончательно дезорганизовало, обезкровило и истерзало страну. Спасти народ может только немедленный переход всей власти в руки органов Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских депутатов в центре и на местах“.

Такое-же настроение охватило и провинцию. 17 октября Всероссийская конференция фабрично-заводских комитетов заявила, что правительство, контрреволюционной буржуазии губит страну. Единственное спасение конференция видела в переходе власти к Советам.

По всей России царил уже грозный призрак октябрьской революции. „Это был“, пишет тов. Троцкий о Петрограде, „период непрерывных митингов на заводах и цирках „Модерн“, „Чинизелли“, в клубах и казармах. Атмосфера митингов и собраний была насыщена электричеством. Каждое упоминание о восстании встречалось бурей аплодисментов и криками восторга. Буржуазная печать усугубляла возбуждение всеобщей тревоги. Подписанный мною ордер Сестрорецкому заводу, о выдаче 5-ти тысяч винтовок Красной гвардии, вызвал неописуемую панику в буржуазных кругах. Это, разумеется, нисколько не помешало рабочим Сестрорецкого оружейного завода выдать оружие красногвардейцам. „Чем неистовее клеветала и травила нас буржуазия, тем горячее откликались на наш голос массы“.

8. Военно-революционный комитет.

Петроградский Совет, для руководства восстания, создал специальный орган—„военно-революционный комитет“, под председательством т. Троцкого.

„Первым делом революционно-военного комитета“,—пишет т. Троцкий,—„было назначение комиссаров во все части Петроградского гарнизона и во все важнейшие учреждения столицы и окрестности. Были получены сведения, что правительственные партии деятельно организуют и вооружают свои силы. Из разных складов, государственных и частных, извлекались винтовки, револьверы, гранаты и патроны для вооружения юнкеров, студентов и вообще буржуазной молодежи. Необходимо было принять немедленно меры. Поэтому почти во все склады были назначены наши комиссары и оружие выдавалось только по ордерам“.

Солдаты очень сочувственно отнеслись к введению комиссаров. Даже солдаты наиболее отсталых полков приветствовали их. От казачьих частей, от социалистического меньшинства юнкеров, к нам приходили делегаты. Они обещали, в случае открытого столкновения, обеспечить, по крайней мере, нейтралитет своих частей. Правительство Керенского, таким образом, все более и более казалось повисшим в воздухе.

Военно-революционный комитет помещался в Смольном. Вообще, все это громадное здание находилось в распоряжении Петроградского Совета и нашей, большевистской партии.

Восстание, подготовкой которого руководил военно-революционный комитет, предполагалось приурочить ко времени 2-го Всероссийского с‘езда Советов. Меньшевики и эс-эры, чувствуя это, всячески пытались отложить созыв с‘езда. Но это им не удалось, с‘езд был назначен на 25 октября.

9. Начало восстания.

Октябрьское восстание открылось грандиозной агитационной кампанией—днем Петроградского Совета, назначенным на 22 октября.

„Несмотря на шедшие справа предупреждения“, пишет т. Троцкий, „что на улицах Петрограда будет литься рекою кровь, народные массы валом валили на митинги Петроградского Совета. Все организаторские силы были приведены в движение. Все общественные помещения были переполнены. Выступали ораторы нашей партии, делегаты с‘езда, представители фронта, левые эс-эры и анархисты. Общественные здания были затоплены волнами солдатских и матросских масс. Десятки тысяч омывали волнами здание Народного Дома, перекатывались по коридорам, заполняли залы. На железных колоннах висели огромные гирлянды человечьих голов, ног и рук, как груды винограда, в воздухе царило то электрическое напряжение, которое знаменует наиболее критические моменты революции.—„Долой правительство Керенского!“ „Долой войну“! „Вся власть Советам“! Никто из прежних советских партий не решался выступать перед этими колоссальными толпами со словами возражения. Петроградский Совет здесь царствовал безраздельно.

Правительство Керенского металось из стороны в сторону. (Цитируем по брошюре Троцкого „Октябрьский переворот"). Вызывали с фронта надежные части, но они, узнав с какой целью их вызывали, переходили на нашу сторону.

Число делегатов с фронта возрастало каждый день. Они приходили осведомляться о положении дел, собирали нашу литературу и отправлялись на фронт сообщать вести о том, что Петрогр. Совет ведет борьбу за власть рабочих, солдат и крестьян. „Окопы вас поддержат",—говорили они нам. Старые армейские комитеты, состоящие из меньшевиков и эс-эров, не переизбиравшиеся в течение 4—5 месяцев, посылали в Петроград угрожающие телеграммы, которые никого не пугали: все знали, что комитеты оторваны от солдатской массы не меньше, чем Центральный Исполнительный Комитет—от местных Советов.

Военно-Революционный комитет назначил комиссаров на все вокзалы. Они тщательно следили за прибывающими и уходящими поездами и особенно за передвижением солдат. Установлена была непрерывная телефонная и автомобильная связь со смежными городами и их гарнизонами. На все, примыкающие к Петрограду, Советы была возложена обязанность тщательно следить за тем, чтобы в столицу не приходили контр-революционные, или, вернее, обманутые правительством Керенского войска. Низшие вокзальные служащие и рабочие признавали наших комиссаров немедленно.

На телефонной станции 24-го возникли затруднения; нас перестали соединять. На станции укрепились юнкера, и под их прикрытием телефонистки стали в оппозицию к Совету. Это первое проявление будущего саботажа. Военно-Революционный Комитет послал на телефонную станцию отряд и установил у входа две небольшие пушки. Так началось завладение всеми органами управления. Матросы и красногвардейцы небольшими отрядами располагались на телеграфе, на почте и в других учреждениях. Были приняты меры к тому, чтобы завладеть государственным банком. Правительственный центр, Смольный, был превращен в крепость. На чердаке его имелось, еще как наследство от старого Центрального Комитета, десятка два пулеметов, но за ними не было ухода, прислуга при пулеметах не находилась. Нами вызван был в Смольный дополнительный пулеметный отряд. Рано утром по каменным полам длинных и темных коридоров Смольного, солдаты с грохотом катили свои пулеметы. Из дверей высовывались недоумевающие или испуганные лица, оставшихся еще в Смольном немногочисленных соц.-рев. и меньшевиков.

Совет собирался в Смольном ежедневно, точно также и гарнизонное совещание.

На третьем этаже Смольного, в небольшой угловой комнате, непрерывно заседал Военно-Революционный Комитет. Там сосредоточивались все сведения о передвижении войск, о настроении солдат и рабочих, об агитации в казармах, о выступлении погромщиков, о совещаниях буржуазных политиков, о жизни Зимнего дворца, о замыслах прежних соглашательских партий. Осведомители являлись со всех сторон. Приходили рабочие, офицеры, дворники, социалистические юнкера, прислуга, дамы. Многие приносили чистейший вздор, другие давали серьезные и ценные указания. Надвигалась решительная минута. Было ясно, что назад возврата нет.

Члены Военно-Революционного Комитета уже не покидали в течение последней недели Смольного, ночевали на диванах, спали урывками, пробуждаемые курьерами, разведчиками, самокатчиками, телеграфистами и телефонными звонками.

Самой тревожной была ночь с 24-го на 25-е. По телефону нам сообщили из Павловска, что правительство вызывает оттуда артиллеристов, а из Петергофа—школу прапорщиков. В Зимний дворец Керенским были стянуты юнкера, офицеры и ударницы. Мы отдали по телефону распоряжение выставить на всех путях к Петрограду надежные военные заслоны и послать агитаторов навстречу вызванным правительством частям. Если не удержать словами—пустить

з ход оружие. Все переговоры велись по телефону совершенно открыто и были, следовательно, доступны агентам правительства.

Комиссары сообщали нам по телефону, что на всех подступах к Петрограду бодрствовали наши друзья. Часть ораниенбаумских юнкеров пробралась все же ночью через заслон, и мы следили по телефону за их дальнейшим движением. Наружный караул Смольного усилили, вызвав новую роту. Связь со всеми частями гарнизона оставалась непрерывной. Дежурные роты бодрствовали во всех полках. Делегаты от каждой части находились днем и ночью в распоряжении Военно-Революционного Комитета. Был отдан приказ решительно подавлять черносотенную агитацию, и при первой попытке уличных погромов, пустить в ход оружие и действовать беспощадно.

10. Взятие Зимнего дворца.

В течение этой решающей ночи, все важнейшие пункты города перешли в наши руки почти без сопротивления, без боя, без жертв. Государственный банк охранялся правительственным караулом и броневиками. Здание было окружено со всех сторон нашим отрядом, броневик был захвачен врасплох, и банк перешел в руки Военно-Революционного Комитета без единого выстрела.

На Неве, под Франко-Русским заводом, стоял крейсер „Аврора", находившийся в ремонте. Его экипаж весь состоял из беззаветно преданных революции матросов. „Авроре" отдан был из морского министерства приказ сняться и выйти из вод Петрограда. Экипаж немедленно сообщил нам об этом. Мы отменили приказ, и крейсер остался на месте, готовый в любой момент привести в движение все свои боевые силы во имя Советской власти.

Правительство попрежнему заседало в Зимнем дворце, но оно уже стало только тенью самого себя. Политически оно не существовало. Зимний дворец в течение 25-го октября постепенно оцеплялся нашими войсками со всех сторон. В час дня Троцким, на заседании Петроградского Совета, от имени Военно-Революционного Комитета, было заявлено, что правительство Керенского больше не существует, и что, впредь до решения Всероссийского с'езда Советов, власть переходит в руки Военно-Революционного Комитета.

Зимний дворец был к этому моменту окружен, но еще не взят. Время от времени из окон его стреляли по осаждавшим, которые суживали свое кольцо медленно и осторожно. Из Петропавловской крепости было дано по дворцу два три орудийных выстрела. Отдаленный гул их доносился до стен Смольного. Мартов с беспомощным негодованием говорил с трибуны с'езда о гражданской войне и, в частности, об осаде Зимнего, где, в числе министров, находились—о, ужас,—члены партии меньшевиков. Против него выступили два матроса, которые явились для сообщений с места борьбы. Они напомнили обличителям о наступлении 18-го июня, обо всей предательской политике старой власти, о восстановлении смертной казни для солдат, об арестах, разгромах революционных организаций и клялись победить или умереть. Они же принесли весть о первых жертвах с нашей стороны на Дворцовой площади. Все поднялись, как бы по невидимому сигналу, и с единодушием, которое создается только высоким нравственным напряжением, пропели похоронный марш. Кто пережил эту минуту, тот не забудет ее.

Взятие дворца, однако, затягивалось и это вызвало колебания среди менее решительных элементов с'езда. Правое крыло, через своих ораторов, пророчествовало нам близкую гибель. Все с напряжением ждали вестей с Дворцовой площади. Через некоторое время явился руководивший операциями т. Антонов. В зале воцарилась полная тишина. „Зимний дворец взят, Керенский бежал, остальные министры арестованы и препровождены в Петропавловскую крепость".—Первая глава октябрьской революции закончилась.

Правые соц.-революционеры и меньшевики, в общем, человек шестьдесят, т. е. около одной десятой части с'езда, с протестом покинули заседание. Так как им не оставалось ничего другого, то они „возлагали всю ответственность за дальнейшее" на большевиков и левых соц.-рев.

Днем 26-го происходило заседание Петроградского Совета при участии делегатов Всероссийского с‘езда, членов гарнизонного совещания и многочисленной партийной публики. Здесь впервые после, почти четырехмесячного перерыва, выступили Ленин и Зиновьев, (встреченые бурными овациями). К радости по поводу одержанной победы примешивалась, однако, тревога по поводу того, как откликнется на переворот страна и удержат ли Советы власть...

Вечером происходило решающее заседание с‘езда советов. Ленин внес два декрета: о мире и о земле. Оба были приняты, после коротких прений, единогласно. На этом же заседании была создана новая центральная власть в лице Совета Народных Комиссаров.

Список народных комиссаров был составлен исключительно из большевиков. В этом была несомненно известная политическая опасность: поворот оказывался слишком крутым,—достаточно, в самом деле, вспомнить, что вожди этой партии еще до вчерашняго дня стояли под знаком обвинения по 108 статье, т. е. в государственной измене. Но иного выбора не было. Другие советские группы колебались и уклонялись, предпочитая занять выжидательную позицию. В конце концов, мы не сомневались в том, что только наша партия способна создать революционную власть.

Декреты о земле и о мире, утвержденные с‘ездом, печатались в огромных количествах и, через делегатов с фронта, через приезжающих из деревень крестьянских ходоков, через агитаторов, которых мы отправляли в провинцию и в окопы, распространялись по всей стране. Одновременно шла работа по организации и вооружению Красной гвардии. Вместе состарым гарнизоном и матросами она несла тяжелую караульную службу.

В городе царил полный порядок. Матросы, солдаты, красногвардейцы держали себя в эти первые дни с превосходной дисциплиной и поддерживали режим сурового революционного порядка.

11. Подготовка выступлений против новой власти.

В лагере врагов начали опасаться, как бы „эпизод“ не затянулся слишком долго и, вместе с тем, наспех создавалась первая организация наступления на новую власть. Инициатива принадлежала соц.-рев. и меньшевикам. От их имени происходили прокламации, заключавшие в себе прямые призывы к разгрому новой власти. Они же организовали чиновников для саботажа, юнкеров—для военных выступлений. 27-го и 28-го мы продолжали получать от армейских комитетов, городских дум, земств, от организации Викжеля (руководящего учреждения железнодорожного союза) непрерывные угрозы по телеграфу. На Невском, главной артерии столичной буржуазии, становилось все более оживленно. Буржуазная молодежь выходила из оцепенения, развивала на Невском все более широкую агитацию против Советской власти. При помощи буржуазной толпы юнкера разоружали отдельных красногвардейцев. На более глухих улицах красногвардейцев и матросов пристреливали. Группа юнкеров захватила телефонную станцию, были сделаны с той же стороны попытки захватить телеграф, почту, наконец, нам донесли о том, что три броневика попали в руки какой-то враждебной нам военной организации.

Буржуазные элементы явно поднимали голову. В газетах провозвещалось, что мы доживаем последние часы. Наши люди перехватили несколько секретных приказов, из которых было ясно, что против Петроградского совета создана боевая организация, в центре которой стоял, так называемый, Комитет защиты революции, созданный городской думой и центральным исполнительным комитетом старого состава. И там, и здесь господствовали правые соц.-рев. и меньшевики. В распоряжение этого комитета поставили себя юнкера, студенты и многие контр-революционные офицеры, стремившиеся из-за спины соглашателей нанести советам смертельный удар.

Опорными пунктами контр-революционной организации служили юнкерские училища и инженерный замок, где было сосредоточено довольно много оружия и боевых запасов и откуда делались налеты на учреждения революционной власти.

Отряды красногвардейцев и матросов окружили юнкерские училища, и посылая туда парламентеров, предлагали выдать оружие. Оттуда отвечали выстрелами. Осаждавшие топтались на месте, вокруг них собиралась публика, и нередко шальные пули из окон ранили прохожих. Стычки получали неопределенно-затяжной характер, и это грозило деморализацией революционных отрядов. Необходимо было принять самые решительные меры. Задача разоружения юнкеров была возложена на коменданта Петропавловской крепости, прапорщика Б. Он плотно окружил юнкерские училища, потянул к ним броневики и артиллерию и пред'явил юнкерам ультиматум: сдаться, и дал им десять минут на размышление. Из окон отвечали новыми выстрелами. По истечению 10 минут, Б. приказал открыть артиллерийский огонь. Первые же выстрелы открыли в стенах училища зияющую брешь. Юнкера сдались, хотя многие пытались спастись бегством и, убегая, отстреливались.

После этого, очищение Петрограда от контр-революционных очагов пошло успешно. Юнкера были почти поголовно разоружены, участники восстания арестованы, заключены в Петропавловскую крепость или вывезены в Кронштадт.

12. Наступление Керенского на Петроград.

Чем прочнее стала Советская власть в Петрограде, тем больше буржуазные группы переносили свои надежды на военную помощь извне. Петроградское телефонное агентство, железнодорожный телеграф, радио-телеграфная станция Царского Села приносили со всех концов вести о грандиозных силах, которые движутся на Петроград для того, чтобы покорить там мятежников и утвердить порядок. Керенский бежал на фронт и буржуазные газеты сообщали, что он ведет оттуда против большевиков несметные войска.

Вести о движении Керенского, во главе каких-то войск, на Петроград вскоре начали оправдываться. Из Царского Села нам сообщили о том, что через Лугу туда подошли казачьи эшелоны. По Петрограду распространилось воззвание, подписанное Керенским и генералом Красновым и призывавшее весь гарнизон присоединиться к правительственным войскам, которые в ближайшие часы вступят в Петроград. Гарнизон Царского Села оказался неприспособленным для боевых операций. У него не было артиллерии и не было руководителей: офицерство враждебно относилось к Советской власти. Казаки завладели радио-телеграфной станцией Царского Села, самой могущественной в стране, и продвигались дальше. Гарнизоны Петергофа, Красного Села, Гатчины не проявляли инициативы и решимости.

О численности отрядов Керенского мы не имели сперва никакого представления. Одни говорили, что генерал Краснов ведет за собой десять тысяч человек, другие утверждали, что не больше тысячи, наконец, враждебные нам газеты и воззвания вершковыми буквами сообщали, что под Царским Селом сосредоточилось два корпуса.

В Петроградском гарнизоне также царила атмосфера неуверенности; едва успели одержать бескровную победу, как приходилось выступать против врага неизвестной численности для боев с неизвестным исходом.

Наибольшую решительность проявили красногвардейцы. Они требовали оружия, боевых припасов, руководства. Но в военном аппарате все было расстроено, разложено. Орудия, лафеты, снаряды—все это находилось в разных местах и все это приходилось розыскивать ощупью. У полков не оказалось в наличности ни саперных инструментов, ни полевых телефонов.

Тогда мы решили обратиться непосредственно к рабочим массам. Мы изложили им, что завоевания революции находятся в величайшей опасности и что от их энергии, инициативы и самоотвержения зависит спасти и укрепить режим рабочей и крестьянской власти.

Это обращение почти сейчас же увенчалось огромным практическим успехом. Тысячи рабочих двинулись по направлению к войскам Керенского и занялись рытьем окопов. Рабочие орудийных заводов снаряжали пушки, сами добывали для них на складах снаряды, реквизировали лошадей, вывозили орудия на позиции, устанавливали их, организовали интендантскую часть, добывали бензин, моторы, автомобили, реквизировали продовольственные запасы и фураж, поставили на ноги санитарный обоз,—словом, создали весь тот боевой аппарат, который мы тщетно пытались создать сверху из революционного штаба.

Когда на позициях появились десятки орудий, настроение наших солдат сразу изменилось: под защитой артиллерии они готовы были дать отпор натиску казаков. В первых линиях стояли матросы и красногвардейцы. Несколько офицеров, политически чуждых нам, но честно связанных со своими полками, сопровождали своих солдат на позиции и руководили их действиями против казаков Краснова.

30 октября между Красным и Царским Селами, после жестоко артиллерийского боя, казаки, которые подвигались вперед до тех пор, пока не встречали препятствий, поспешно отступили. Их обманывали все время, рассказывая им о жестокостях и зверствах большевиков, которые-де хотят продать Россию германскому кайзеру.. Их убедили, что чуть-ли не весь гарнизон в Петрограде с нетерпением дожидается их, как избавителей. Первое серьезное сопротивление совершенно расстроило их ряды и обрекло на крушение все предприятие Керенского.

Отряд Краснова отступил на Гатчину, где сам Краснов был взят в плен; Керенскому в последнюю минуту удалось бежать.

Из Гатчины наши отряды продвигались по железной дороге дальше в сторону Луги и Пскова. Оттуда подошло им навстречу еще несколько поездов с ударниками и казаками, которых вызвал Керенский или отправляли отдельные генералы. С одним из эшелонов было даже вооруженное столкновение. Но большинство солдат, которых направляли к Петрограду, при первой же встрече с представителями советских войск заявляли, что их обманули и что они не поднимут руки против власти рабочих и солдат.

Революционная столица была спасена. Спасена и Октябрьская революция. Примеру революционного Питера последовала провинция, где повсюду власть перешла в руки Советов почти безболезненно, без борьбы. Только в Москве переворот, из-за некоторой нерешительности восставших, несколько затянулся.

Чехо-словацкое наступление и свержение Советской власти в Сибири.

Около 20 мая 1918 г. в Омске было получено сообщение, что чехи, под руководством полковника русской армии Войцеховского, перешедшего, как поляк, на службу к чехам, обезоружили челябинский гарнизон и забрали 750 винтовок. 23 мая была получена телеграмма за подписью тов. Троцкого следующего содержания: „пропускать все чехо-словацкие эшелоны на восток, но безусловно обезоруживать; со сдающими оружие обходиться по братски, с несдающими—как с врагами трудового народа". 24-го мы получили сообщение по железнодорожному проводу о подходе чехо-словацкого эшелона.

Навстречу этому эшелону был отправлен отряд в 290 красноармейцев под предводительством тов. Успенского на ст. Куломзино (предместье Омска, по ту сторону Иртыша). 25 утром подошел эшелон чехов, который, по требованию Успенского, выдал 30 винтовок. Наши товарищи заметили во многих вагонах просверленные отверстия, очевидно, для пулеметов. Когда тов. Успенский потребовал осмотра вагонов, чехо-словаки сбросили с паровоза машиниста, поставили своего и обратным ходом уехали на ст. Мариановку (70 верст от Омска), где сосредоточилось уже значительное количество чешских эшелонов.

События надвинулись на нас скорее, чем мы ожидали. Вскоре мы получили сообщение, что отправленная нами на Семеновский фронт рота обезоружена на ст. Мариинск чехо-словаками, которые со взятым вооружением направляются обратно на Ново-Николаевск. Омск, таким образом, по магистрали оказался отрезанным с двух сторон, с востока и с запада.

Вечером мы собрались на „военный совет" в доме Республики, в помещении Западно-Сибирского Комитета Советов. На этом военном совете выяснилось во всей неприкрашенной наготе наше военное бессилие: окружной военный комиссар, не знавший военного дела; ни одного товарища, способного командовать частью; в распоряжении тысячи отдельных красногвардейцев, но ни одной роты. Во время обсуждения положения вошли Алексей Окулов (впоследствии член Реввоенсовета Республики) и Роберт Эйдеман (нынешний помощник командующего всеми вооруженными силами на Украине) направляющиеся из Москвы на Семеновский фронт, имея с собой 50 инструкторов и 12 вагонов патронов.

Мы получили возможность организовать свои силы, но не знали, дадут ли нам чехо-словаки „передышку", не нападут ли они сразу.

Работа закипела. В железно-дорожных мастерских, несмотря на противодействие меньшевиков и эс-эров, ведших за нашей спиной переговоры с чехами через французского консула, нам удалось сорганизовать около 1000 человек. Тюмень прислала нам отряд в 400 человек. Явились пленные мадьяры, которые, не без основания, боялись пришествия чехо-словаков. Они были уверены, что чехи вырежут всех мадьяр. В два дня был сорганизован мадьярский отряд в 270 человек под предводительством мадьяра-коммуниста. К концу недели в нашем распоряжении было около 3000 человек, недурно вооруженных. Технически мы были сильнее чехов. Мы имели 168 пулеметов, 4 пушки, достаточное количество патронов. Чехи имели окол 30 пулеметов. Таковы были наши сведения, которые не отступали далеко от действительности. Мы приободрились, всеми мерами затягивали переговоры на „западном фронте", чтобы укрепить свои силы, сорганизоваться всерьез. К временному штабу в составе Окулова, Эйде-

мана и Нейбута (оставшегося в Сибири после свержения Советской власти и расстрелянного колчаковцами в декабре во время восстания) были довыбраны на городском собрании активных работников следующие товарищи: В. М. Косарев, А. Г. Шлихтер, Г. А. Усиевич и Фрумкин. Мы взялись за военное строительство, оборону, снабжение, а главным образом, агитацию. Послали в чехо-словацкий лагерь несколько чехов, пленных коммунистов, которые были там вскоре расстреляны. Военно-революционный штаб расположился в железнодорожном клубе, в котором жизнь била ключем.

Мы приободрились ростом нашей организованности и успехом на „восточном фронте" Под прикрытием чешского батальона, вернувшегося из Мариинска, эс-эры и меньшевики (главным образом, эс эры) захватили власть в Ново-Николаевске. Идейным и организационным центром захвата власти в Ново-Николаевске (как и по всей Сибири) была кооперация в лице сибирского союза кооперативов „Закупсбыт". Позднее член правления Закупсбыта, видный эс-эр Фомин, один из самых активных деятелей по свержению Советской власти в Сибири (что не помешало колчаковским офицерам расстрелять его вместе с Гутовским и Брудерером и др. в декабре), откровенно писал, что „обыватель считает „Закупсбыт" новой властью". Захватив Ново Николаевск 26 мая, эс-эры толкнули чехо словацкий эшелон на запад для захвата Омска. Эшелон встретился с нашими красногвардейцами под Каинском. Нашим удалось загнать чехов в болото и перестрелять их. В этом сражении отличились мадьяры. Наши части продолжали наступать на восток. Была реальная надежда освободить Ново-Николаевск, к которому, по слухам, подходил отряд рабочих с юга из Барнаула.

В нашем штабе бодрость росла с каждым днем. Колебания чехов, рост нашей организованности и успех на восточном фронте вселяли уверенность, что чехи не нападут на нас на западном фронте. Мы успели расположить свои силы против врага под Мариановкой, наладить связь, прилично поставить снабжение; нам удалось поставить на военную ногу город Омск; с успехом эвакуировали в течение недели около миллиона пудов хлеба в центр по оставшейся свободной линии Омск—Тюмень.

Внешнее положение было в общем благоприятно. Но обстановка, в которой должны были протекать возможные военные действия, внушала много опасений. Чехо-словацкие эшелоны стояли вблизи нас, между Петропавловском и Мариановкой, среди казачьих станиц, враждебных нам. До нас доходили слухи, что казачьи офицеры гуляют в чешском лагере в погонах, ведут переговоры с ними. Сообщали, что Петропавловский исполком, состоявший сплошь из крестьян, арестован и повешен казаками. Мы решили об'явить мобилизацию в крестьянских уездах, расчитывая, что крестьянство, враждовавшее с казаками, откликнется на наш зов. Аппарата для мобилизации не имели. По телеграфу эта обязанность была возложена на исполкомы, плохо осведомленные в далеких уездах о положении дела, не знавшие чехо-словаков. Мобилизация провалилась всюду. В Таре собралось около 400 бывших фронтовиков. Тара расположена в 200 верстах от железной дороги. О чехо-словаках они знали очень мало. Фронтовики усмотрели в этой мобилизации отправку на какой то фронт, с которого они только что вернулись, и провалили нас. Наша мобилизация была крупнейшей политической ошибкой. Проводить мобилизацию крестьян без должной политической обработки означало мобилизовать против себя. Те же самые тарские фронтовики через 5 месяцев своими собственными силами поднялись против Колчака и одерживали над регулярными белыми частями победы, располагая примитивным оружием (вплоть до деревянных пушек).

После нашей победы на „восточном фронте" под Каинском, мы подтянули силы в ожидании возможного боя. На главном „западном" фронте было выжидательное положение Мы продолжали вести переговоры с чехами, расчитывая на разложение солдатской массы. Агитаторы, посланные в чешский лагерь сообщали, что офицерство ведет агитацию против нас, указывая, что мы противодействуем пропуску их во Владивосток для отправки домой. Солдаты же не имеют никакого желания воевать с нами.

Переговоры тянулись. Мы, естественно, боялись напасть на чехов. Так протекали события до четверга 6 июня. В 12 часов дня тов. Звездов, „командующий западным фронтом", сообщил по телефону, что со стороны чехов заметно движение. В час чехи начали наступление колоннами. Наши пулеметами с успехом отражали наступление. Со стороны чехов падали сотни людей. Моментами они отступали, а затем снова на-

ступали колоннами. Но все аттаки в открытом поле были отбиты с большим уроном для противника (до 500—600 человек). В 8 часов вечера Звездов донес, что он считает бой закончившимся и блестяще нами выигранным. Мы ликовали в штабе. Но... мы были еще очень молоды в военном деле. Оказалось, что наступление в лоб было лишь демонстрацией, хоть и с большими потерями. Во время боя чехи предприняли глубокий обход и в 9 1/2 часов вечера появились в нашем тылу. Наши красногвардейцы не были подготовлены к такой хитрости. Плохо сколоченные ряды дрогнули и началось паническое бегство. Красногвардейцы—почти сплошь омичи—побежали домой. На следующее утро мы не смогли их собрать.

В нашем распоряжении осталось всего 300—400 человек в Омске и 1300 человек на восточном фронте. Военно-революционный штаб решил эвакуироваться.

Каким путем и куда?

Вблизи Куломзино и на линии Омск-Куломзино-Тюмень появились казако-чешские раз'езды. Отправляться на восток? Но там путь отрезан у Ново-Николаевска.

Первый пароход с частью денег (75 миллионов), женщинами и детьми ушел 7-го в 12 ч. дня. Три парохода во главе с „Андреем Первозванным" отправились в 4 часа дня, и последним отправился на катере отряд тов. Джугели (?), которому пришлось уже в 6 час. вечера пробиваться и быть обстрелянным в городе. Об этом отряде, охранявшем пороховые склады, забыли. Т. Джегули (?) пришел под обстрелом на пристань. Не найдя парохода, он поместил свой отряд на катере и стал догонять „Андрея Первозванного".

Тогда мы решили отправиться водным путем на Тюмень.

В 8 часов вечера, в доме Республики уже восседал полковник Иванов и издавал приказы. Первый приказ был в Тару (уездный город на Иртыше) задержать пароход „Андрей Первозванный", на котором помещался наш штаб и значительная часть денег (140 милл. р.). Первый наш пароход прошел благополучно. Была попытка со стороны тарцев задержать его, но боевых действий не было. Когда мимо Тары проходил „Андрей Первозванный", по нем открыли огонь. Наши ответили из пулеметов. На „Андрее Первозванном" был убит лоцман, на берегу нашими пулеметами было убито 8 человек.

Началось бегство из „окопов" на берегу. Наши высадились, освободили арестованный уже исполком в числе 16 человек, забрали в казначействе 180 тысяч рублей, захватили 1000 пудов муки и мяса и отправились дальше. Оказалось, что из Омска ночью была получена телеграмма: „Во что бы то ни стало задержать пароход «Андрей Первозванный» с деньгами". Мобилизованные по нашему распоряжению, фронтовики приняли в этом деле участие, но не очень активное. При первых наших выстрелах они тоже побежали до дому.

Приехав в Тобольск, омичи бросились к прямому проводу с Тюменью,—не взята-ли она чехами. Несмотря на уверения томских товарищей, что Тюмень еще не пала, что тюменские товарищи борются с чехами под Ишимом, — часть омских товарищей, во главе с тов. Косаревым, была так напугана последними неожиданными событиями, что не решилась ехать в Тюмень. Думали, что из Тюмени разговаривают белогвардейцы. Под влиянием этого недоверчивого отношения к Тюмени решено было оставить Тобольск, подняться по Тоболу вверх и по Туринской ветке ехать на соединение с Екатеринбургом.

Но по дороге здравый рассудок взял вверх над паникой и часть товарищей, во главе с тов. Усиевичем, отделилась на двух пароходах на соединение с Тюменью.

В половине июня, они прибыли в Тюмень. Но ошибку, которая была совершена оставлением без всякой причины Тобольска, исправить уже было нельзя. Сразу, после приезда в Тюмень, омичам пришлось организовать отряд против наступающих из Тобольска белогвардейцев.

Борьба под Тюменью.

К концу июня на маленьком конце территории Сибири, в Тюмени, оставшейся еще в руках революции, образовались два фронта: ишимский, по железной дороге из Омска и тобольский—по р. р. Туре, Тоболу, Тавде. Борьба велась планомерная. Был организован военно-революционный штаб Западной Сибири. Командование обоих на-

правлений находилось в руках тов. Окулова. Командиром ишимского фронта был тов. Эйдеман, а тобольского—тов. Конгелари. Общий же урало-сибирский фронт был объединен в руках присланного из центра тов. Берзина, впоследствии первого командующего III армией.

В первые дни вся тяжесть борьбы легла на тюменских товарищей. Некоторое облегчение получилось с прибытием омичей и партработников с Урала. Большой помощи пролетарский Урал дать не мог, так как сам вел непосильную борьбу на три фронта (бердян-кузинское, челябинское и шадринское). Кроме того, приходилось подавлять бесчисленные восстания кулаков под флагом эс эров. Положение значительно улучшилось, когда в Тюмень прибыли те отряды, которые сражались с чехами, защищая Омск со стороны Ново-Николаевска. Получив приказ, перед сдачей Омска, рассыпаться, они не рассыпались, а, отойдя от железной дороги пробрались по лесам до самой Тюмени. Таким образом, пришло в Тюмень около 500 человек.

Бурная жизнь кипела в Тюмени в те дни. Чуть не ежедневные митинги, собрания, лихорадочная работа всех советских и военных учреждений в течение двух недель—все это привело к тому, что лучшие тюменские рабочие поднялись и пошли защищать на фронте революцию. Не считая Семеновского фронта, тюменские рабочие дали тогда свыше 1500 бойцев.

Самая большая заслуга в этом деле должна быть отнесена на счет т. Усиевича. Его кипучая натура не знала ни отдыха, ни покоя, все поражались его неутомимой деятельностью. Он положительно заражал всех своей работой и верой в победу.

В начале на ишимском фронте мы терпели неудачу. Белые начали подступать уже к Ялуторовску (в 70 ти верстах от Тюмени). Начались упорные бои, особенной жестокостью отличались бои под Вагаем и Голышманово. Под Вагаем, например, белыми живьем сожжено было 20 пленных красноармейцев.

Но, видя безуспешность наступления, белое командование решило начать обход Тюмени со стороны Кургана. Два раза они перерезали железную дорогу у станций Тугулым и Комаки, но оба раза они были отогнаны и связь с Екатеринбургом возобновлена.

Под конец в ишимском направлении, в боях под Вагаем, успех перешел на нашу сторону и мы уже перешли в преследование белогвардейцев, отступавших к Ишиму. Но более успешной борьбы развернуть не удалось, так как борьба Тюмени целиком зависела от Екатеринбурга. Екатеринбург же изнемогал в отчаянной борьбе с чехословаками.

18 июня стало ясно, что Екатеринбург уральцы не удержат. Пришлось начать на Тюменском фронте планомерное отступление и эвакуацию 20 июня пала Тюмень. Эвакуировано заранее было все. Наше отступление шло непрерывно до Камышлова.

Неудача в Сибири и на Урале показали, что нам не хватает регулярной армии. В центре, в Москве, тоже сознавали это. Но какие нибудь определенные шаги в этом направлении все еще не принимались.

И вот революционный штаб Западной Сибири в Комышлове занялся формированием из всех отрядов регулярной армии. Так была создана 1 ая сибирская армия. Командующим был избран камышловский военком тов. Васильев, а комиссаром — тов. Усиевич.

21 июня реорганизация армии была закончена. Но в тот же день пал Екатеринбург и новая армия очутилась в тылу у белых. Решено было оставить Камышлов и отступить на Егоршино. Со сдачей 25 июля г. Туринска, вся Сибирь очутилась в руках торжествующей эс-эровской контр революции.

Дальнейшее отступление 1-й сибирской армии шло до Ирбитского завода почти без всякого боя. Долго (около 3 недель) шла эта борьба, много было сильных боев, много в них пало сибирских пролетариев.

Среди них пал и славный комиссар тов. Григорий Усиевич.

Впоследствии 1-я сибирская армия, в качестве одной из дивизий, вошла в организуемую на Урале III Красную армию.

В общем и целом, сибирское крестьянство оставалось пассивным зрителем в первые дни борьбы с чехо-словаками. Понадобились уроки,—3-4 месяца правления „демократического Сибирского правительства", которое фактически было в плену у казачьих атаманов (Анненков, Катанаев, Красильников и др.),—2-3 месяца непосредственного правления Колчака, чтобы крестьянство поднялось единодушно и организованно.

Полтора года не было Советской власти в Сибири. За это время рабочие и крестьяне научились ценить ее.

Так было.

(Отрывки из романа Зазубрина „Два Мира".)

Командир карательного отряда, полковник Орлов, с эскадроном гусар, в конном строю и батарейй в'ехал в Широкое. На главной улице стояли стройные шеренги солдат. Лиц в тени нельзя было разобрать. Концы штыков маленькими звездочками поблескивали на луне, искрящейся цепочкой связывали темные колонны отряда.

Капитан Глыбин поскакал навстречу Орлову, прижимая руку к козырьку

— Смирна-а-а! Гаспада офицеры!

Орлов круто осадил свою белую кобылу, тонкие ноги ее дрогнули, жирный круп подался назад.

— Здорово молодцы!

— Здрй желай гсдин полковник!

— Поздравляю вас с победой! Спасибо за службу!

— Рады стараться гсдин полковник!

Дружный ответ красильниковцев прокатился по селу. В дальнем конце улицы эхо дважды повторило—Рады! Рады!—и все затихло. Белые, блестящие погоны полковника и кривая казачья шашка, вся в серебре, отливали голубоватым светом. Высокая кобыла, беспокойно перебирала тонкими ногами, фыркала нежными, розовыми ноздрями, поводила ушами, косила глаза на кучу убитых. Орлов, слегка пригибаясь к луке, щекотал шпорой бок лошади, заставляя ее подойти ближе, наступить на труп.

— Дура, испугалась. Вот так боевой конь,—улыбаясь обертывался полковник к ад'ютанту.

Черная лопата бороды Орлова поднялась кверху. Офицер несколько секунд смотрел на небо.

— До рассвета еще часа два—вслух подумал он и, нагнувшись с седла к солдатам, крикнул:

— Господа, до утра село в вашем распоряжении. К восходу солнца, чтобы здесь не осталось ни одного большевика!

Темные колонны зашевелились, колыхаясь, стали пропадать в темноте.

Орлов со штабом отряда расположился в доме священника. Толстая попадья, с простоватым, широким лицом, гладко причесанная, в длинном сером платье, накрывала на стол. Деньщик полковника из походного сундука вынимал бутылки с водкой и коньяком. Орлов со скучающим лицом, позевывая, слушал своего помощника капитана Глыбина. Глыбин говорил что-то о сторожевом охранении, о большевиках, об убитых и раненых солдатах. Полковник едва схватывал обрывки фраз, концы мыслей. Сегодня он весь день провел на жаре, в седле, основательно устал. Его взгляд тяжелый, подернутый налетом безразличия, следил за пухлыми руками попадьи, ловко расставлявшей на чистой скатерти тарелки с солеными грибами, огурцами, с ворохами белоснежного хлеба, сдобных шанег, сметаны. Орлов взял большой, холодный, сочный груздь, помял его немного во рту и жадно проглотил. Налил чарку водки, выпил и опять потянулся к грибам.

— Пейте, капитан.

Глыбин оборвал деловой разговор, басом кашлянул в кулак, пододвинул к себе рюмку. Черное, давно небритое лицо капитана, с жирными, трясущимися щеками расплылось в довольную улыбку. Глаза растянулись узкими щелочками. Жесткие усы оттопырились.

На улицах кучками бродили солдаты. Кованные железом приклады винтовок с треском стучали в двери темных, молчаливых домов. Высокий, рыжий

фельдфебель из роты Нагибина, со своим шурином, маленьким, кривоногим унтер-офицером и двумя солдатами, ломился в ворота Николая Чубукова.

— Отпирай, сволочь! Перестреляю всех. Яви вас в душу.

Ворота, под напором четырех мужиков, трещали, скрипели. Хозяин дома выскочил на двор.

— Погодите маленько, братцы, я мигом открою.—Голос Чубукова от страха дрожал и обрывался.

— Какие мы тебе, большевики, собаке, братцы,—орал фельдфебель.

— А я знаю рази хто ж вы?—оправдывался хозяин, распахивая ворота.

— Вот знай теперь, кто мы.—Круглый, тяжелый кулак унтер-офицера стукнул в подбородок старика. Чубуков щелкнул зубами и замолчал. Фельдфебель, широко распахивая дверь, первый вломился в избу.

— Большевики есть?—стукнула о пол винтовка. Посуда зазвенела на полке. Проснулся и заплакал ребенок. Молодая женщина, бледнея, затрясла люльку, хотела запеть, но голос у нее осекся, язык тяжело завяз во рту. Старуха, жена Чубукова, вышла из-за печки.

— Господь с вами, ребятушки, каки у нас большевики.

— А это кто? Чья жена? Партизанка?

— Что вы, господа, какая там партизанка. Дочь она моя, а зять здесь же дома, никакой он не партизан, не большевик,—робко говорил сзади Чубуков. Мужик с черной бородой, в потертой гимнастерке без погон, слез с полатей.

— Я, господа, не большевик, я солдат фронтовик, георгиевский кавалер, ефлейтур.

— Ага. Ну, а жена-то у тебя все-таки большевичка.—Фельдфебель нагло засмеялся, оскалив ряд кривых, черных зубов. Зять Чубукова попробовал было ухмыльнуться, но у него только скривились губы, лицо побледнело, на глазах навернулись слезы. Фельдфебель шагнул к женщине, оторвал ее руку от люльки и потянул к себе. Женщина взвизгнула, заплакала, стала вырываться.

— Не дело задумали, господин,—загородил дорогу чернобородый.

— Дело, не дело, не твое дело,—крикнул унтер и больно ткнул в лицо ефрейтору дулом Нагана. Фельдфебель тащил рыдавшую женщину в сени. Ребенок звонко плакал.

— Господи, что же это такое? Матушка пресвятая заступница.—Старуха упала на колени, с отчаянием стала креститься на передний угол, кланяться низко, до полу. Чубуков тяжело сел на постель. Серые, большие глаза старика были полны тоски и отчаяния. В сенях на полу слышался глухой шум возни.

— Вася, помоги! Ой не могу я! Вася, не дай опозорить! Фельдфебель злобно ругался и затыкал разорванной кофтой рот женщины. Чернобородый метнулся к выходу. Унтер-офицер развернулся и сильно стукнул его револьвером по щеке. Мужик со стоном упал на пол. Дуло Нагана воткнулось ему в рот.

— Только шевельнись, сокрушу!

— Толкачев, иди-ка подержи ее суку, не дается стерва,—позвал рыжий из сеней. Молодой солдат с тупым, равнодушным лицом, громыхнув винтовкой, вышел за дверь. Чернобородый рычал и громко всхлипывал, катаясь по полу. Старуха молилась. Ребенок взвизгивал охрипшим голосом.

Несколько солдат ворвались в школу. Молодая учительница, с белокурой, почти детской головкой и большими голубыми глазами, встретила красильниковцев на пороге.

— Что вам нужно, господа?—Глаза девушки смотрели с недоумением и страхом. Восемнадцатилетний доброволец Костя Жестиков быстро схватил учительницу за руки, громко поцеловал. Солдаты захохотали, Жестиков нагнулся немного и, быстрым движением разрывая юбку девушки, повалил ее на пол.

— Стой! Что здесь такое?—В школу забежал поручик Нагибин. Доброволец бросил учительницу, вскочил с пола. Поручик увидел на секунду белое, нагое тело девушки, разорванное платье, огромные, полные ужаса, глаза.

— Вон отсюда!—Офицер затопал ногами. Солдаты неохотно повернулись к двери, стали выходить. Учительница с трудом поднялась и, пошатываясь, по-

шла в другую комнату. Перед глазами офицера снова манящей белизной блеснуло нагое женское белое тело.

— Подождите, куда же вы?

Учительница ускорила шаги, почти побежала. Сильное, дурманящее, хмельное желание наполнило мозг Нагибина. Он быстро догнал девушку и, не слыша ее отчаянного крика, жадно схватил за талию. Теплота атласной, обнаженной кожи пахнула в лицо поручику. Хрупкое, тонкое, как ветка, тело забилось в крепких руках мужчины.

Солдаты в соседней комнате разломили прикладами и штыками сундучек с вещами учительницы. Костя Жестиков, топча сапогами подушку в чистой наволочке и белое одеяло, сброшенные с постели, шарил руками под матрацем.

— Нет ли у нее оружия, у стервы, ворчал доброволец. Солдаты, разломав сундук, смеясь, выбрасывали на пол женское белье.

— Ишь Нагибин то наш, хорош гусь, нечего сказать. Нам не дал, а сам взялся, брат.

— Ни черта, ребята, останется и нам—утешал Костя, сбрасывая с этажерки книги.

По улице свистели пули, хлопали выстрелы. Солдаты, по малейшему подозрению, стреляли в первого встречного. В домах плакали женщины, трещали разламываемые сундуки, скрипели засовы амбаров и кладовок.

Победители расправлялись.

К Орлову через каждые десять, пятнадцать минут приводили арестованных, заподозренных в большевизме. Полковник сильно охмелел. Разбираться долго ему не хотелось. После двух, трех вопросов, он свирепо таращил пьяные глаза, рычал.

— Большевики, мерзавцы! Отправить их в Москву.

Арестованных выводили на двор и, быстро раздевая, рубили шашками. С одной из последних партий привели двух женщин. Попадья, плакавшая в углу, подошла к Орлову.

— Господин полковник, это не большевички, я знаю.

— Молчать! Я лучше знаю, кто они. Мои молодцы зря не арестуют. Может быть ты сама большевичка? А? Я почем знаю?

Попадья испуганно попятилась и вышла в другую комнату. Полковник посмотрел на плачущих женщин, махнул рукой.

— В Москву!

На дворе, пока их зарубили, они боролись, визжали, кусали гусарам руки. Полковник и Глыбин пили коньяк. Четырехугольники окон стали светлеть. Кончая последнюю бутылку, Орлов крикнул вестового.

— Шарафутдин, позови мне начальника комендантской команды.

Прапорщик Скрылев явился быстро и, вытянувшись, остановился в дверях. Произведен он был недавно, с новым положением своим еще не освоился, перед полковником трепетал больше, чем всякий рядовой.

— Скрылев, кажется рассвет близко?

— Так точно, господин полковник, уже светает.

— Гм-м. Зажигайте село.—Полковник сказал это совершенно спокойно, как будто дело шло о куче старого хлама, а не о богатом Широком, о том самом Широком, в котором были две начальных школы, одна высшая начальная с библиотекой в десять тысяч томов, народный дом и лесопилка. Попадья упала в ноги офицеру.

— Господин полковник, не разоряйте нас, не губите.—Щеки попадьи тряслись, она ловила грязные сапоги Орлова, и целовала их. Лампадка перед иконой Христа потухла и зачадила. Полковник встал. В комнате было почти совсем светло.

— Шарафутдин, коня!

Капитан Глыбин, ад'ютант, корнет Полозов и еще несколько офицеров, пивших с полковником, звеня шпорами, пошли к выходу. Садясь на лошадь, Орлов приказал ад'ютанту:

— Корнет, передайте Скрылеву, чтобы тушить не давал. Всех, кто будет мешать поджогу, или спасать свое имущество, расстреливать на месте.

Учительница очнулась. Лежала она на полу совершенно голая. Рядом валялись лохмотья ее разорванного платья, окурки. Пол был истоптан десятками ног, заплеван зеленой, алкоголной слюной. Небольшой квадратный листок бумаги, с портретом какого то офицера, привлек ее внимание. Девушка приподнялась на локте и, не отдавая себе отчета, не приходя вполне в сознание, стала читать текст, помещенный под литографией.

К населению России.

18-го ноября 1918 года. Временное Правительство распалось. Совет Министров принял всю полноту власти и передал ее мне—адмиралу русского флота, Александру Колчак.

Тело учительницы было все в синяках, кровоподтеках. Грудь ломило. Голова еле держалась. Мозг работал слабо. Девушка еще не чувствовала всей глубины ужаса своего положения, не отрываясь, быстро читала, не понимая содержания прочитанного.

Приняв крест этой власти в исключительно трудных условиях гражданской войны и полного расстройства государственной жизни об'являю:

Я не пойду ни по пути реакции, ни по гибельному пути партийности. Главной своей целью ставлю создание боеспособной армии, победу над большевизмом и установление законности и правопорядка, дабы народ мог беспрепятственно избрать себе образ правления, который он пожелает, и осуществить великие идеи свободы, ныне провозглашенные по всему миру.

Призываю Вас, граждане, к единению, к борьбе с большевизмом, труду и жертвам.

Верховный Правитель Адмирал *Колчак.*

18-го ноября 1918 года.
г. Омск.

Подпись под манифестом была слитографирована с оригинала. Девушка задрожала, увидев хищный росчерк начальной буквы фамилии диктатора. Верхний крючок К острым концом загибался над всей строчкой и на конце его брызги чернил были похожи на почерневшие, засохшие капельки крови. Черный коготь стал расти, краснеть, кровь потекла с него ручейками. С листка бумаги он забрался в голову девушки, вонзился в мозг, раздирающей, острой болью наполнил оскорбленное тело. Учительница захохотала, вскочила на ноги. Коготь проколол ей череп, проткнул потолок, крышу школы, остроконечной дугой седого дыма загнулся над селом Школа начинала загораться. Девушка ничего не видела. Острый, кровавый коготь проколол ее насквозь, едкой болью рвал грудь, живот и голову. Комната стала наполняться дымом. Учительница с хохотом и воем бегала из угла в угол, сбрасывала с полок библиотеки книги, махала руками. Коготь выколол ей глаза. Слепая, она упала на груду книг, корчась от жару, хватала и рвала толстые тома Толстого. Село было все в огне. Огромный столб черного дыма ветер гнул в сторону и он похож был на хищный коготь росчерк начальной буквы страшной фамилии.

Молебен.

Красные языки хищного зверя лизали Широкое. Черный дым затянул все улицы. С треском обрушивались постройки. Скот ревел, мычал, метался в пылающих дворах. Разбитые телеги среди села горели ярко, как сухая лучина. Убитые вспухли от жару, дымясь и шипя, корчились. Глаза у Васи Жаркова вылезли из орбит, выпятились сваренными, слепыми белками. Русая головка совсем почернела. От желтых, босых ног Степаниды Харитоновой остались черные головни. Борода у Федотова сгорела, лицо стало круглым, как сковорода, щеки лопнули, мертвая кровь кипела в рубцах горелого мяса. Крестьяне огромной толпой, со стоном и слезами, топтались беспомощно за селом. Женщины и дети громко плакали.

Полковник Орлов со штабом стоял за поскотиной и смотрел на пожар Спокойно, развалившись в седле, говорил, ни к кому не обращаясь.

— Да, иного пути нет. Верховный Правитель прав, говоря, что большевизм нужно выжечь каленым железом, как язву. Адмирал прав, давая нашему атаману полномочия спалить, стереть с лица земли, в случае надобности, всю эту губернию.

Молодой гусар, с погонами вольноопределяющегося, подскакал к Орлову, подал ему небольшой клочек бумаги. Полковник пробежал донесение своего помощника.

Аллюр. Медвежье 9 час. 30 мин. по полуночи... Доношу, что Медвежье занято нами без боя. По показаниям местных жителей, красных у них нет и не было. Сторожевое охранение мною... Разведка в направлении...

Капитан Глыбин.

— Отлично. Господа, новость.—Белая кобыла круто повернулась.

— Медвежье занято нами без боя. Красные удрали.—Лошадь полковника засеменила тонкими ногами, танцуя, пошла по дороге на Медвежье. Штаб отряда и эскадрон, с трехцветным знаменем, двинулись за командиром. Копыта четко били пыльную дорогу. Серые, качающиеся столбы взметывались следом и долго клубились в воздухе. Ехавший в последних рядах, Костя Жестиков, оглянулся назад. Толпа крестьян, молча, долгими, тяжелыми взглядами провожала всадников. Полковник нетерпеливо поднял лошадь на галоп. Пыль поднялась выше, целой тучей. Толпа исчезла, только зарево и дым пожара были видны ясно.

В'езжая в Медвежье, Орлов подозвал к себе ад'ютанта.

— Корнет, немедленно прикажите собрать все село на площадь. Оповестите народ, что сейчас будет отслужен благодарственный молебен, по случаю победы над бандами красных.

Полковник со штабом остановился в школе. Штабные офицеры и канцелярия заняли все классы и квартиру учительниц. Учительницы запротестовали, стали просить Орлова не выселять их. Полковник нагло улыбался и возражал шепелявя, скандируя и кривляясь.

— Скажите пжальста, они не могут спать где нибудь в корридоре на полу. В них видите-ли течет три капли благородной крови. Хе, хе, хе! Хотя, впрочем, я человек добрый, если вам будет жестко... Полковник сказал сальность.

— Не правда-ли, корнет?—обратился он к ад'ютанту. Ад'ютант вытянулся, щелкнул шпорами, почтительно улыбнулся.

— Так точно, господин полковник.

— Разговор кончен, вопрос решен—обернулся полковник к учительницам.

— Вас я выселяю, можете поместиться у сторожихи. Школу определенно закрываю. Во первых потому, что она нужна мне для канцелярии и квартир, во вторых я полагаю, что детей разной красной дряни учить грамоте не стоит. Ведь она им годится, когда они подрастут, только для того, чтобы писать прокламации, разводить антиправительственную пропаганду. Это не интересно нам. Итак, я кончил. Вон отсюда!—учительницы пошли к дверям.

— Виноват, одну минутку,—снова обратился к ним Орлов.

— С завтрашнего дня вы готовите мне обед. Понятно?

— Нет не понятно,—ответила невысокая, крепкая, со смелым лицом, Ольга Ивановна.

— Обед готовить мы вам не обязаны и не будем.

— Ну, конечно, конечно, разве можно сделать что-нибудь для честного защитника родины? Разве можно сварить обед старому офицеру? Вот какому нибудь красному негодяю, своему любовнику, вы пожалуй бы все сделали, не только обед, но и ужин бы состряпали, а после ужина... Полковник снова сказал гадость. Ольга Ивановна побледнела.

— Я попрошу „благородного“ полковника быть повежливее,—запальчиво бросила она ему. Полковник расхохотался.

— Корнет, корнет, ха, ха, ха! Слышите? Эта вот учителка, эта мужичка, хамка, ха, ха, ха, учит меня вежливости, меня дворянина, полковника, воспитанника кадетского корпуса. Ха, ха, ха! Да вы, оказывается, оригинальная штучка.

Ну-ка я вас посмотрю поближе.—Он вскочил со стула, хотел схватить учительницу за талию. Ольга Ивановна сделала шаг назад, подняла руку.

— Еще одно движение, и вы получите по физиономии.—Полковник покраснел, злоба мелькнула у него на лице. Но он моментально овладел собой, улыбнулся, с деланной любезностью.

— Ой, ой, какие вы сердитые. Мы, оказывается, кусаемся. И вдруг снова стал сер'езным.

— Ну-с, медмуазели, или как вас там, шутки в сторону. Больше уговаривать вас я не намерен. Приказываю вам завтра же приготовить мне обед. Не приготовите—выпорю. А теперь марш на место.

Полковник принадлежал к числу тех офицеров, которые работали в армии не за страх, а за совесть. Он был ослеплен ненавистью к красным, его жестокость не знала рамок. Он принялся искоренять большевизм со всем рвением фанатика черносотенца.

Почти все село собралось на площадь. Женщины, дети, старики, старухи, взрослые и молодежь. Красильниковцы оцепили площадь, загородили выходы пулеметами. Звонили колокола, неслось молитвенное пение, священник набожно и истово крестился, поднимая глаза к небу, просил у бога ниспослания мира всему миру и многолетия верховному правителю. Народ, пугливой толпой, колыхался на площади. Предчувствие чего-то страшного и неотвратимого томило массу. Многие плакали. Полковник, опираясь на эфес кривой сабли, простоял почти весь молебен на коленях. Свита не отставала от начальства. Люди в блестящих мундирах, с золотыми и серебряными погонами, вооруженные до зубов, тщательно крестились. После молебна полковник встал на сиденье своего экипажа.

— Мужики! Разговаривать долго с вами я не буду. Говорить нам не о чем. Вы знаете хорошо, что я верный слуга отечества, враг изменников и грабителей большевиков. Среди вас много есть этих извергов рода человеческого, не признающих ни Бога, ни Правителя. С ними я и думаю сейчас же расправиться.

Лица вытянулись. Глаза резко обозначались, сотнями черных, больших точек на бледносером лице толпы. Безотчетный, смертельный страх колыхнул массу. Люди попятились назад. Предостерегающе щелкнули шатуны пулеметов. Пулеметчики заняли места у машин. Площадь застыла. Полковник улыбнулся, зычно бросил.

— Спасибо, молодцы пулеметчики!

— Рады стараться, господин полковник.

— Что, боитесь канальи?—заорал Орлов на толпу.—Видно совесть-то у вас не совсем чиста. На колени, прохвосты, все на колени, сию же минуту!—Многоликая пестрая масса женщин, детей и мужчин потемнела, с плачем и стоном опустилась на колени. Платочки, шапки, фуражки закачались на минуту и остановились. Площадь снова стала мертвой, тихой.

— Шапки долой!—Головы обнажились. Сотни рук мелькнули. Легкая рябь, как на воде, наморщила разноцветные ряды медвежинцев.

— Первый эскадрон, ко мне!—скомандовал полковник. Гусары в пешем строю змейкой проползли через толпу, выстроились в две шеренги. Винтовки метнулись в руках. Черные круглые отверстия стволов качнулись, двумя рядами повисли перед лицом толпы.

— Сознавайтесь, кто из вас большевики? Кто из вас помогал красным? Кто сочувствует им?—Толпа молчала.

— Честные люди, к вам обращаюсь, укажите негодяев, им не место среди вас.—С тяжелой одышкой человека страдающего ожирением, прижимая рукой крест на груди, высокий, упитанный отец Кипарисов подошел к Орлову.

— Я вам, господин полковник, всех их сейчас укажу. Вот они все у меня переписаны.—Священник достал из кармана длинный лоскут бумаги. Толпа стала совсем черной, пригнулась тяжело к земле.

— Иванов, Непомнящих, Стародубцев, Белых.—Этих двух первых, вот чего, расстрелять, а этих двух, вот чего, пока только можно выпороть.—Кипарисов

читал долго, обстоятельно, поясняя, кого нужно расстрелять, а кого только выпороть. Толстый, кривой палец, в широком черном рукаве, размеренно поднимался и опускался. По его указанию гусары бросались в толпу, вырывали из нее по одиночке, по два, кучками. Площадь колыхалась, глухо стонала. Лавочник Иван Иванович Жогин протискался к полковнику.

— Господин полковник, разрешите доложить—и, не дожидаясь ответа, боясь, что его не станут слушать, быстро заговорил.

— Батюшка забыл еще четырех большевиков указать вам.

— Кровопивец!—крикнул кто-то в толпе. Жогин обернулся.

— Ага, это ты Бурхетьев. Знаю тебя, большевика и твоих товарищей Степанова, Галкина и Чернова. Всех четверых схватили. Полковник кивнул ад'ютанту.

— Корнет, прошу приступить.

— Слушаюсь, господин полковник.

Бледных с запекшимися, перекошенными губами, поставили у каменной церковной ограды. Их было сорок девять. Против них развернулся веер красных погон, круглых кокард. Черные дыры винтовок, двумя рядами, покачиваясь, щупали головы и груди приговоренных.

— Господин полковник, разрешите начинать.

— Пжальста,—небрежно бросил Орлов.

— По красной рвани пальба эскадроном, эскадрон... Площадь взвизгнула, застонала. Лица стали белыми, как платочки на головах женщин.

— Подождите, подождите, корнет, остановил полковник.

— Уж очень вы скоро. Прямо без пересадки, да и на тот свет. Надо дать им время подумать. Может быть и раскается кто? В свое оправдание еще кого не укажет ли?

Белая стена камня, белая полоса лиц, пригвожденная черными точками глаз. Неподвижно молчали. Лишь один не выдержал, старик Грушин, застонал.

— Кончайте скорее, палачи.

Лопнула белая полоса. Выпал белый камень, пришпиленный двумя черными пятнами. Жена партизана Ватюкова забилась, рыдая, на земле.

— Приколоть ее,—махнул рукой ад'ютант. Черная, тонкая, граненая железка разорвала, в горле женщины, предсмертный крик.

— Мамку закололи,—завизжал в толпе ребенок.

— Не визжи, поросенок, подрастешь и тебя приколем,—прикрикнул на него Орлов. Площадь умерла. Людей не было. На карнизах церкви возились и ворковали голуби, чирикали воробьи. Солнце остановилось. Жгло нещадно. Сотни голов наполнились, расплавленным металлом. Отяжелели, распухли. В глазах прыгали огненные брызги.

— Ну-с, видимо, желающих раскаяться нет. Закоренелые негодяи все. Корнет продолжайте.—Что-то дернуло коленопреклоненную площадь. Оборвалось что-то. Пригнулись еще. Лица были почти у земли.

— Товарищи-большевики, смирнааа, равнение на пули, на тот свет карьером мааарш!—Шашка, тонко свистнув, сверкнула. Залп. Черные, круглые дырки винтовок. Все два ряда. Желтыми огоньками загорелись, стукнули. Ряд мерцающих точек на белой полосе камней. Округлились, расширились. Поймали желтые огоньки. Загорелись на секунду. Потухли. Пропали. Полоса белых камней, на стене из белого камня, рассыпалась, рухнула на землю. Расстрелянные подпрыгнули. Упали навзничь. Полковника душил смех.

— Молодец корнет, молодец, тонный парень, тонняга, корнет. Ха, ха, ха! На тот свет карьером. Ха, ха, ха! К Владимиру тебя, к Владимиру с мечами и бантом представлю каналью.

— Покорнейше благодарю, господин полковник.

Залп опрокинул толпу на землю. Женщины судорожно бились, рыдали. Старики, старухи молились. Мужики стонали. Молодежь' сжимала кулаки, кусала губы. Орлов взглянул на площадь. Ткнул пальцем.

— Ребята, вот этой молудухе, десять порций. Погорячей, шомполами. Пусть помнит лихих гусар атамана Красильникова.

Серая пыль площади. Белые пятна. Живые, полуголые. Свист. Железные прутья. Кровавые рубцы. Кровь. Красное мясо. Колокольный звон лгал. Радости не было. У церковной ограды дергались ноги. Рука крючила пальцы. Белые камни вспотели. Красный пот глядел полосами, брызгами, каплями. Мертвых было сорок девять. Окровавленных шестьдесят. Но были выпороты все. Уничтожены, растоптаны. Пестрая толпа с болью, еле встала, зашаталась. А колокол все лгал.

«Папаня плясит и длазнится».

Борьба разгоралась. Красные партизаны от неорганизованных, разрозненных выступлений и набегов маленькими отрядами, перешли к действиям крупными боевыми с единениями, вели планомерные наступления, маневры, захватывали станции железных дорог, портили пути сообщения в глубоком тылу у врага, спускали под откос воинские поезда противника, устойчиво держали фронт, занимая подолгу целые волости, близко подходили к городам. Многочисленные, но трусливые отряды русских и иностранных белогвардейцев преследовали партизан нерешительно, в тайгу далеко заходить боялись, предпочитая срывать свою злобу на мирном населении, старались запугать всех свирепыми приказами, дикими расправами и массовыми публичными казнями беззащитных, безоружных людей.

На улицах Медвежьего был расклеен приказ атамана Красильникова.

— За последнее время в деревнях и селах губернии большевики усилили свою преступную деятельность, пытаясь подорвать в народе веру в великое будущее России, стараясь склонить население на сторону, предавшей родину, Советской власти. Безобразные факты, чинимые большевиками, крушение поездов, убийство лиц администрации,—все это заставляет отвергнуть те общие моральные принципы, которые применимы к врагу на войне. Тюрьмы полны вожаками и семьями этих убийц. Начальникам гарнизонов вверенного мне района, приказываю, содержащихся в тюрьмах большевиков-разбойников и ихних родственников считать заложниками. О каждом факте, подобном вышеуказанным, доносить мне и, за каждое преступление, совершенное в данном районе, расстреливать из местных заложников от 3-х до 20 человек. Все села и деревни, независимо от величины и количества населения, в коих будут обнаружены большевики, будут сожжены и уничтожены, имущество конфисковано. Села и деревни, в коих население само выступит против большевиков и будет их изгонять, будут не тронуты. В сожженных селах и деревнях женщины, дети и старики, не способные носить оружие, получат правительственную помощь и приют.

Медвеженцы, проходя мимо белых лоскутков бумаги, косились со страхом, угрюмо роняли головы. В селе, кроме отряда полковника Орлова, стояли итальянцы, румыны и чехи. В итальянском штабе были два представителя французских войск, красивый, седоусый полковник и молоденький, почти мальчик, лейтенант.

В день боя, под Пчелиным, Орлов сидел на квартире у француза полковника. Офицеры пили кофе. Француз хвалил Сибирь, говорил, что она нравится ему своеобразной, суровой, дикой красотой, уверял, что если Франция вздумает прислать сюда свои дивизии, то он первый из'явит желание служить в одной из них, никогда не подумает о переводе на родину. Орлов, хорошо владевший французским языком, отвечал, что в Сибири действительно много своеобразной прелести, но находил ее страной некультурной, населенной темными, невежественными крестьянами, живя с которыми изо дня в день, вместе, можно огрубеть. Кофе было крепкое, сливки густые и свежие. Белые калачи и шаньги благоухали на столе запахом только что испеченного хлеба. Собеседники ели с аппетитом. Разговор о Сибири перешел на сибирских женщин. Француз спрашивал Орлова, правда ли, что по рассказам русских же, в Сибири птицы без голоса и женщины без сердца. Орлов смеялся и рассказывал о своих многочисленных романтических интрижках с сибирячками, уверял, что сибирские женщины гораздо интереснее российских. Француз жадно посматривал на полное, раскрасневшееся лицо хозяйской дочери, Кати, возившейся у русской печки, намекал Орлову, что сегодня дома из хозяев никого, кроме девушки, нет, что он очень этим доволен. Орлов не понимал деликатных намеков коллеги, продолжал беспечно болтать. Француз нервно дергал длинные седые усы. Глаза его, большие черные, с пушистыми ресницами, со скукой останавливались на лопате бороды Орлова, покрываясь влажным блеском, скользили по крепкой фигуре Кати.

— Elle est belle, cette sauvage![1])—француз встал, возбужденно прошелся по комнате, круто, решительно повернулся на каблуках, остановился перед Орловым.

— Colonel. laissez nous avec elle tête a tête. Vous compr nez?... Vous, comprenez? .. Je veux, je veux... Cela ne fait rien, je pense?[2]). Француз дрожал.

— Elle est donc une sauvage véritable! Vous devez comprednre, je veux... je veux... Cela ne fait rien, j'espère? Je perterai mille pardons... Mais...[3]) — Орлов вскочил со стула, угодливо заулыбался, затряс бородой.

— S'il vous plait, s'il vous plait, colonel. Au nom de Dieu, ne vous excusez pas, soyez comme à la maison.[4]) — Оба полковника щелкали шпорами, раскланивались.

— Nous, russes, nous le comprenons plus simplement sans aucune philosophie. Je vous souhais plein succes.Au revoir. Personne ne vous dérangera.[5]) — Орлов скрылся за дверью. Француз подошел к Кате, схватил ее за талию. Девушка сердито отшвырнула его руку.

— Ну, ты мусью, не балуй у меня!—Глаза офицера стали совсем масляными, прищурились, рот полураскрылся, с красной, нижней губы потянулась блестящая, тонкая, вонючая нитка слюны.

— Charmante sauvage, comprends tu, je veux te baiser[6]) — Катя подняла к самому лицу француза круглый, полный кулак.

— Только сунься, старый чорт, образина басурманская! Француз обоими руками обнял девушку.

— Charmante sauvage, je veux[7]) — Твердый, как камень, кулак ткнул полковника в глаз, в губы, в ухо. В голове француза зашумело, из носа потекла кровь. Катя со злобой совала кремнистый кулак в гладкую, холеную физиономию.

Полковник Орлов шел к себе, в школу. На главной улице, перед домом Кузьмы Незнамова, толпился народ. Во дворе громко плакали ребятишки, с воем рыдали женщины. Чехи вытаскивали от Незнамовых столы, стулья, шубы, сундуки, грузили на высокие, зеленые фуры. Вся семья Кузьмы—жена, двое ребятишек и старуха-мать, всхлипывая, дрожали на крыльце. Сам Кузьма стоял на дворе бледный, без шапки с иссеченным в кровь лицом. Чешский офицер показывал плеткой на заржавленную берданку, найденную в подполье и кричал.

— Сознайсь, ты есть большевик? Сознайсь, все равно повесим!

— Вот хоть сейчас убейте, не большевик я. Берданку это точно спрятал, но для охоты, а не для чего нибудь такого. — Чех поднял руку, плеть изогнулась. Кривой, кровавый рубец вспухнул на лице Кузьмы.

— На вот тебе, сволочь!

— Хоть убейте, не большевик я.

— Сволочь.—Лицо вспухло, окровянилось. Незнамов упал на землю. Жена плакала навзрыд. Старуха тряслась, как в лихорадке, по лицу у нее текли крупные слезы. Трехлетний Петя и пятилетняя Маша смотрели широко раскрытыми глазенками. Два чеха солдата стали привязывать короткую петлю к колодезному журавцу. Десяток любопытных со страхом жались в воротах. Глаза округленные боязнью чернели неподвижными зрачками. Корнет Полозов и французский лейтенант спокойно наблюдали за истязанием. Лейтенант, играя моноклем, говорил Полозову:

— Nous ne détruisons pas, nous n'allons non plus contre les traditions russes: Le fouet et la potence, c'est aussi dans le genre russe. Certe, en Franse on le trouverait peut être suranné mais, ici, tels sont les moeurs, les coutumes. On lutte

---

[1]) Она прекрасна эта дикарка!

[2]) Полковник, оставьте меня с ней вдвоем. Вы понимаете... Вы понимаете?.. Я хочу, я хочу...— Это ничего, я думаю?

[3]) Ведь она-же настоящая дикарка. Вы понимаете, я хочу, я хочу... Это ничего, я надеюсь? Я очень извиняюсь... Но...

[4]) Пожалуйста, пожалуйста, полковник. Ради Бога не извиняйтесь. Будьте, как дома.

[5]) Мы русские на это смотрим проще, без всякой философии. Желаю успеха. До свидания. Вас никто не побеспокоит.

[6]) Прелестная дикарка, ты понимаешь, я хочу тебя поцеловать.

[7]) Прелестная дикарка, я хочу...

avec les russes seulement à la russe.[8]) — Корнет любезно улыбался и спешил уверить лейтенанта.

— Mais, oui, vous avez raison, lieutenant. On parle les bolscheviks, ces animaux sauvages seulement leur langage[9]).

Обессилевшего Кузьму подвели к журавцу, надели на шею петлю. Костя Жестиков, случайно бывший на дворе, подбежал к виселице.

— Стойте, господа, я провожу его на тот свет,—Доброволец прыгнул на спину Незнамову, ухватился за шею. Чехи, со смехом, быстро подняли обоих на воздух. Кузьма высунул огромный синий язык, вытаращил глаза, лицо у него почернело, ноги задрыгали, руки схватились за веревку.—Жестиков, повернув к зрителям покрасневшее от напряжения лицо, кричал:

— Последний крик моды, господа, танец повешенного. Спешите видеть, господа.—Жена зашаталась, упала на колени.

— Палачи, будьте вы прокляты!—голос женщины с отчаянием разрезал онемевший двор. Петя показывал маленькой ручонкой на страшную пару, качающуюся в воздухе и улыбаясь, говорил Маше:

— Папаня плясит и дразнится.—Маша смотрела серьезно и не могла понять, что делает отец и почему плачет мать.

— Всыпать ей!—крикнул офицер. Женщину стащили с высокого крыльца, ткнули лицом в землю. Один чех сел ей на голову, двое схватили за ноги. Толстый с широким, тупым подбородком унтер-офицер, жирными, белыми пальцами, брезгливо поднял у женщины юбку. Два рослых солдата в новеньких гимнастерках и кепи, похожих на петушиные гребешки, с двух сторон рванули нагайками женское тело. Кровь брызнула с первых ударов. Нагайки стучали, как цепы. Голоса у Незнамовой не было. Она глухо хрипела. Ребятишки плакали. Старуха стояла, розинув рот, слезы у ней бежали непрерывно. Лейтенант подошел ближе, нагнулся немного, взглянул в монокль на окровавленный, вздрагивающий зад женщины.

— Je pense que si nous aurions apporté ici la guillotine, le peuple russe se révoltererait, il aurait pensé, que nous voulons lui attacher par force notre culture. L'amour propre national y serait outrage. Mais noua ne voulonc dons rien ici de ce qui ne correspondererait pas a la nature russe, leurs coutumes, leurs moeurs. N'est ce pas, cornette?[1]).

— Parfaitement, les actions des armées etrangères sont irrèprochables[2])—Полозов почтительно изгибался, заискивающе смотрел в глаза лейтенанту. Черный, кудрявый пудель француза крутился под ногами, вилял хвостом, взвизгивал. Незнамова вынули из петли. Костя ткнул его шашкой в висок.

— Чтобы не раздышался мерзавец—Жестяков вытер шашку о брюки повешенного. С соседнего двора привели женщину с серым лицом и черными губами. Чех конвоир что-то забормотал офицеру. Офицер выслушал, махнул рукой. Женщину подвели к петле. Товарищ Жестикова, Ника Пестиков в беленькой рубашке с красными погонами вольноопределяющегося подошел к приговоренной.

— Теперь моя очередь кататься,—засмеялся он Косте. Костя улыбнулся.

— Валяй.

Новая пара поднялась вверх. У женщины лопнули связки шейных позвонков. Она умерла мгновенно. Пестиков кричал сверху.

— Снимай, эта не пляшет. Не из веселых попалась.—Зрачки десятков глаз неподвижно застыли. Лица стали каменными, их точно покрыли штукатуркой. Незнамова потеряла сознание. Ее все пороли. Кусочек запекшейся, густой крови упал на

---

[8]) Мы не разрушаем, не идем против русских, народных обычаев. Ведь нагайка и виселица это в русском духе? Конечно, во Франции это могло-бы показаться устарелым, но здесь, здесь таковы нравы, таковы обычаи. С русским нужно бороться по русски.

[9]) О. да, вы правы, лейтенант. С большевиками, с этими дикими зверями, можно говорить только их языком.

[1]) Я думаю, что если-бы мы привезли сюда гильотину, то русский народ возмутился-бы, подумал-бы, что мы навязываем ему силой свою культуру. Национальное самолюбие было-бы оскорблено этим. Но мы же ведь ничего не делаем здесь такого, что не соответствовало бы русскому духу, обычаям, нравам, Правда, корнет?

[2]) О, да, о да, действия иностранных войск безупречны.

белый, крахмальный обшлаг сорочки лейтенанта. Француз скривил гладко выбритую губу, длинным, заостренным ногтем стал соскабливать красное пятно. Пятно расплылось шире. Офицер запачкал палец, раздраженно дернул маленькой головой, в высоком кепи, повернулся, пошел со двора, кивнул корнету. Пудель вертелся около Полозова.

— Trotzky, Trotzky, viens ici! viens ici![1])—позвал француз свою собаку.

— Viens icie, Trotzky, mauvais chien! Viens ici mauvaise bête.[2]) — Пудель вилял хвостом, прыгал на задних лапах.

— Trotzky, tu ne fuyeras pas chez les tiens dans la forét touffue? N'est ce pas, Trotzky?[3]) — Собака терлась о сапоги, визжала, мешала офицеру.

— Et, bien! Allons, allons![4]) — По улице ехали зеленые фуры, нагруженные до верху крестьянским скарбом. Чехи вывозили в город конфискованное имущество большевиков и их родственников, заподозренных в большевизме. Медвежинцы молча смотрели из окон. С другого конца села, навстречу чешским фурам, скрипели крестьянские телеги с ранеными итальянцами из-под Пчелина.

Всему миру, или тебе?

Гнет атаманщины в районе Медвежьего, Пчелина и Широкого становился с каждым днем все сильнее. Порки, расстрелы чередовались с виселицами, конфискациями и сожжением целых сел и деревень. Жизнь в местах расположения иностранных войск и группы атамана Красильникова стала опасной самому безобидному, чуждому всякой политики, землеробу. Все крестьянство подозревалось в сочувствии и содействии большевикам. Суда и следствия не существовало, их заменяло усмотрение начальства. Голословный оговор, анонимный донос, или подозрение являлись достаточным основанием для приговора к смерти десятков людей.

Крестьяне бросали свои хозяйства, дома и с семьями уходили в тайгу, пополняли партизанские отряды. Остающиеся дома были запуганы до последней степени, до потери рассудка и здравого смысла.

В трех верстах от Медвежьего, в Черемшановке на кладбище толпился народ. На краю большой, только что вырытой могилы, стояли шесть мужчин и женщина, приговоренные к расстрелу. Отделение чехов заряжало винтовки. Коренастый рыжебородый мужик, в белой рубахе, с усилием шевеля холодными, синими губами, говорил чешскому офицеру.

— Господин офицер, как же это вы так меня прямо без суда и следствия и в яму. Ведь по-напрасну вы это. Надо обследовать бы сначала. Зачем губить человека? Мы думаем таких правов нет, чтобы, значит, без суда и следствия и готово дело.—Чех презрительно щурил глаза с белыми ресницами, надменно поднимал лицо.

— Ми чешский комендант, ми имеем право повесить, расстрелять, арестовать.—Толпа, облепившая соседние могилы, стояла тихо мигая, черными, испуганными, неподвижными глазами. Жена рыжебородого, Дарья Непомнящих сидела на зеленой могиле с грудным ребенком. Стоять она не могла, ноги у нее дрожали и подкашивались. Плакать она перестала. Слез не было.

— Ну прощайсь! Сейчас будем расстрелять.—Приговоренные закивали головами. Родные бросились к ним.

— Нельзя.—Офицер поднял руку.—Не разрешается. Можно сдалека. Все равно.—Женщина упала на колени, била себя в грудь.

— Господин офицер, последний разок, дайте у мужа на груди поплакать. Ой-ой-ой. Как жить я буду сиротинушка? Соколик ты мой ясный, Петенька. Разнесчастный мой ты, Петенька—Ой-ой-ой—Лицо чеха стало раздраженно-холодным, нетерпеливая гримаса дернула розовые губы.

— Довольн! Нельзя! Ми начинайм!—Ребенок на руках у Дарьи проснулся, разбуженный криком матери, заплакал. Рыжебородый потерял жену из виду.

---

[1]) Троцкий, Троцкий, поди сюда! Поди сюда!
[2]) Поди сюда, Троцкий, скверный пес. Поди сюда, скверное животное.
[3]) Троцкий, ты не убежишь к своим в тайгу? Нет, Троцкий?
[4]) Пойдем, пойдем!

Черные дырки винтовок ударили его по глазам. Солнце померкло. Мужик ослеп. Лица родных, толпу, он перестал видеть. Могила за спиной стала глубже, шире, дышала сыростью. Осужденная женщина шумно вздохнула, захватила полную грудь воздуха. Тяжелый запах земли закружил ей голову. Она покачнулась. Брат, стоявший рядом, нежно обнял ее, поддержал и целуя в похолодевшую щеку, тихо сказал:

— Держись, Маша. Умрем смело. Вдвоем не страшно.—Мужчина говорил ласково, но глаза его уже были мертвы, блестели остым стеклянным налетом, зрачки расширились и остановились. Офицер что то шептал солдатам, показывая глазами на женщину, те кивали головами. Белая перчатка поднялась над фуражкой чеха. Приговоренные, одновременно, медленно, с усилием, точно их кто потянул за шеи, подняли лица, уперлись тяжелыми взглядами в тонкую чистую руку, в рукаве с белым обшлагом. Перчатка шевелила на ветру пустыми пальцами. Дула винтовок вздрогнули, расплылись в одну огромную черную дыру. Острый, огненный нож сверкнул из железного мрака, проткнул грудь шестерых. Сбросил в яму руки и ноги, слабые как плеть, и головы, закинувшиеся на спины. Женщина едва удержалась на ногах, присела на корточки и, опираясь о землю руками, ртом хватала воздух, как рыба, вытащенная на берег. Чех подошел к ней.

— Видель, сволочь! Больше не будешь бунтовайт? Иди, сук, домой и расскажи всем, что большевиком быть плохо есть.—Женщина не поняла ни одного слова. Толпа опустила плечи. Кое кто сел на землю. Головы валились на грудь. Дарья лежала без сознания. Ребенок плакал.

— Ааа! Уаа! Ауа! Ауа!

— Где есть старост?—крикнул офицер.

— Я здесь—седая борода Кадушкина тряслась от страха.

— Закопайт этих разбойников. Хоронить родным не давайт. Ми проверим после.—Чехи торопились. Закинули винтовки за плечи. Сели на лошадей.

— Ми проверим, если хоть одного не будет в яме, то все село будет сожжен.—Офицер скомандовал по чешски. Кавалеристы подняли сразу лошадей на рысь. Толпа шарахнулась на две стороны, дала дорогу.

Молчание сковало людей. В стороне Пчелина шел бой. Глухое ворчанье орудий раскатывалось по земле. Крестьяне вздохнули.

— Чего же, ребята, зарывать надо—Кадушкин мял в руках фуражку. Подойти к яме, заглянуть в нее было страшно и тяжело. Лопаты торчали на черном бугре, глубоко воткнутые в рыхлую землю еще расстрелянными. Перед смертью чехи заставили их вырыть себе могилу. Рыжебородый, раненый в бок, поднялся, сел. Теперь он хорошо видел окровавленные лица мертвых товарищей.

— Братцы, помогите.—Толпа вздрогнула, метнулась к яме, нагнулась над ней.

— Петя, милый, ты жив!—радость надежды легко подняла женщину с земли.

— Братцы, выручите! О о-о-х.—Кадушкина трясло.

— Михал Михалыч, надо веревки достать, вытащить мужика-то моего. Сам он, однако, не в силах будет вылезть.—Кадушкин, молча жевал беззубым ртом. В подслеповатых глазах его пряталось что-то хитрое и трусливое. Мужики о-чем-то задумались, не двигались с места, молчали. Лица слились в одно бледное пятно. Мысль беспощадная куском льда залегла в голове толпы. Лбы покрылись холодным потом. Петр, истекая кровью, зябко вздрагивал. Толстая, жирная глиста, разрезанная лопатой, крутилась у него на сапоге. Раненый старался не смотреть на нее, но она упорно лезла в глаза, росла, извивалась толстым жгутом. Молчание и неподвижность толпы заледянили воздух. Стало холодно, как зимой. Дарья посмотрела кругом, сердце у нее упало, заколотилось, в ушах зазвенело, она поняла.

— Что вы, звери, опомнитесь—закричала женщина и задохнулась. Толпа, единодушная в своем решении, серая, безглазая, навалилась ей на грудь.. Тишина треснула, как льдина.

— Рассуди, Дарья, всему миру, всей деревне пропадать, или ему одному? Чехи узнают—не помилуют за это.

— Ироды, звери, креста на вас нет.—Дарья уронила ребенка, грудью упала на землю.

— Кидайте и меня к нему, зарывайте вместе.

— Михал Михалыч, вы чего это? Неужто меня живьем зарыть хотите?—Рубаха рыжебородого густо намокла кровью, губы совсем почернели. Староста развел руками.

— Уж гляди сам, Петра, что с тобой делать. Отпустить тебя—всем пропасть. Подумай сам, всему миру, али тебе пропадать?—Нижняя губа у Петра задергалась, слезы потекли на бороду. Он с тоской обвел взглядом черные стены ямы, поднял лицо кверху. Седая борода старосты тряслась над могилой. Мужики стояли угрюмые, твердые, неумолимые, как камни. Теплый, дурманящий запах свежей крови стеснял дыхание. В яме было душно. Рана горела. Голова кружилась у Петра. Держал ее он с усилием и, несмотря на жару и духоту, дрожал, тихо щелкая зубами. Ребенка подняла и отошла с ним в сторону соседка Непомнящих. Мертвые в могиле лежали спокойно. Земля под ними стала теплой и мокрой. Кровь текла ручейками из разодранных спин и затылков. Лица вытянулись, пожелтели.

— О-о-о-х. Как же быть? Я бы в тайгу ушел.

— Зря городишь, Петра! Из-за тебя всем пропадать что ли? Стыдно, тебе Петра! Пострадай за мир! Пострадай, Петра! Пострадай! Мы бабу твою не оставим!—Толпа кричала, волновалась, засыпала словами раненого, как комьями земли.

— Ироды, палачи!—Дарья исступленно взвизгивала, рвала на себе кофту, каталась по земле. Петр коченел от холода. Небо в узкой щели ямы потемнело. Яма стала тесной. Сырые, черные стены сдвинулись, сжались.

— О-о-ох. Воля ваша. Дайте хоть напиться останный раз. Горячего-бы. Чайку бы.—Петр был побежден. Сопротивление одного, беззащитного человека, хватающегося за жизнь, было сломлено упорством толпы.

— Это можно, сичас, мы сичас—засуетился староста. Кадушкина успокоило согласие Петра, он старался убедить себя в душе, что иначе поступить нельзя, что они делают правильно, если даже сам обреченный на смерть соглашается с ними.

— Ребята, там кто нибудь, сбегайте за кипятком.—Николай Козлов, свояк Петра, живший рядом с кладбищем, принес туес горячего чая.

— На, Петра. Эх сердешный, за што страдаешь? И-то-што, у меня самовар баба согрела—Николай с участием смотрел на свояка, качал головой. Петр пил долго, медленно, маленькими глотками. Женщины крестились в толпе и шептали.

— Господи, пошли ему царство небесное. Мученику за нас грешных. Господи, прости ему все согрешения вольные и невольные.—Петр напился, со стоном, подал туес обратно. Николай нагнулся, встал с коленей.

— Петя, не надо! В тайгу пойдем! Не хочу я!

— Замолчи Дарья,—староста сердито посмотрел на женщину.

— Итак не в моготу, а она тут верещит еще. Смотри народ-то, как потерянный стоит. Глиста вертелась, издыхая. Из толстого разрезанного куска червя размазывалась по сапогу грязная, липкая жидкость. Петр закрыл лицо руками, зарыдал.

— За-за-за-ры-ры-ры-ва-а-а-айте!

— Ты, Петра, ляг, ляг, ничком. Оно лучше так, без мучениев задавит.—Кадушкин трясущимися руками выдергивал из земли лопату. Петр ткнулся лицом в живот мертвеца. Мужики засуетились, не глядя вниз, отвертываясь друг от друга, опустив головы, торопливо стали сталкивать в могилу сырую, рыхлую землю.

— Надо, ребятушки, утаптывать, утаптывать. Он скорее так кончится, без мучениев.—Староста спрыгнул в яму, закиданную менее, чем наполовину. Петр

задыхаясь, приподнялся под землей. Кадушкин едва удержался на ногах, ухватился за край могилы. Несколько мужиков стали топтать легкую землю. Петр бился в предсмертных судорогах. Земля слегка колебалась под ногами могильщиков. Что-то белое, не то палец, не то кусок рубахи, торчало среди черных комьев. Кадушкин отвернулся, полез наверх.

— Давайте еще, ребятушки, подсыпем землицы.—Белое утонуло в черном. Толпа быстро, почти бегом, пошла с кладбища. Смотреть ни на что не хотелось. Собаки, лаявшие из под ворот, и куры, рывшиеся в пыли улицы, знали все. Стены домов, темные от времени, щели в заборах, сучки в них, вывалившиеся белыми круглыми дырками, кочки на дороге, клочки пыльной травы кучей лезли в глаза. Раньше их не замечали. Люди торопились. Надо было поскорее спрятаться. Забиться домой, запереться на все затворы.

Дарья изорвала на себе всю кофту, растрепала волосы, ползала на четвереньках. выла и разрывала руками засыпанную и притоптанную яму. В глазах у нее стояли мужики с лопатами. Земля под мужиками тряслась и они прыгали с ноги на ногу, широко раскинув руки, стараясь сохранить равновесие.

— Петя, я сейчас. Я тебя отрою.—Женщина скребла землю и выла протяжно, с безнадежной тоской.

— Отрою-ю ю! Ю-ю-ю! У-у-у!

Расстрел славгородских крестьян.

(В августе 1918 года).

I.

В начале августа 1918 года Сибирское правительство, состоящее из эс-эров: Вологодского, Шатилова, Патушинского, Крутовского, Серебренникова и Михайлова, задумало создавать „свою армию“.

Ввиду этого, 16 августа была об'явлена мобилизация молодых людей, родившихся в 1897—98 г. г. Одновременно с „указом“, Сибирское правительство специальным обращением к „народу“ пояснило, что солдаты нужны ему для защиты Сибирской областной думы и будущего учредительного собрания.

Сибирским военным министром в это время был, только-что произведенный в генералы, капитан Гришин (нелегально—Алмазов).

Надевая генеральские погоны, он заявил о своем выходе из эс-эровской партии, намериваясь работать теперь „для всего народа в целом“. Тем не менее, эс-эровское правительство оставило его на своем посту и поручило ему выполнить „указ“ о мобилизации.

Опубликовывая „указ“ правительства о мобилизации, Гришин-Алмазов заявил, что он приказывает всем соответствующим войсковым начальникам и начальникам милиции расстреливать на месте всех, кто будет агитировать против мобилизации, кто посмеет не подчиниться ей и откажется идти в ряды сибирской „добровольческой“ армии. А указывая о двухгодичном сроке службы, он пояснял, что может его сократить, если призванные в ряды сибирской армии бойцы помогут ему „взять Москву“ и уничтожить немцев и большевиков.

* * *

Получились приказы и в Славгородском уезде Алтайской губ. Он не далеко от Омска, поэтому одновременно с приказами появились и слухи о расстрелах и порках.

Крестьяне многих сел (Леньки, Глубокое, Знаменка и др.) вынесли резкие протесты по поводу угроз Гришина-Алмазова и постановили просить Сибирское правительство определенно заявить, на что ему нужны солдаты.

При этом, в постановлениях указывалось, что на борьбу с Советской властью они солдат не дадут.

„Пусть воюет тот, кому охота“.

Почти все села препроводили свои резолюции в Славгород, Омск и Томск, где «заседала» Сибирская Областная Дума, причем некоторые волости послали даже своих делегатов, ходатаев.

Но слухи росли, стало известно, что карательные отряды появились и в Славгородском уезде.

Крестьяне села Архангельского, расположенного вблизи Славгорода, писали „вторую бумагу“ в уездную земскую управу с убедительной просьбой послать своего представителя на сельский сход и раз'яснить ему приказ о мобилизации.

Уездное земство, возглавляемое эс-эрами—Девизоровым, Трубецким, Бахматским и другими, препроводили просьбу крестьян с. Архангельского к местному начальнику гарнизона, штабс-капитану Киржаеву.

Киржаев искал случая заявить о себе штабу армии и военному министру. В силу этих причин он из'явил личное намерение информировать крестьян с. Архангельского и предложил земской управе предупредить их об этом.

Утром 21 августа архангельцы, долго неслышавшие городских ораторов, шумной и многолюдной толпой собрались на сельской площади, с нетерпением ожидая приезда „самого“ начальника гарнизона.

Вскоре раздался режущий ухо мужика гудок автомобиля и штабс-капитан Киржаев, в сопровождении ад'ютанта и еще двух офицеров, врезался в шумно расступившуюся толпу.

Поднявшись на автомобиле, Киржаев, к полной неожиданности и изумлению окружавших его крестьян, громким голосом закричал:

„Снять шапки, встать!“ И, не давая толпе оправиться, заявил:

„Я—не большевик и не агитатор. Никаких собраний и митингов терпеть не могу, поэтому немедленно требую разойтись и беспрекословно теперь-же приступить к выполнению приказа о мобилизации, причем предупреждаю, что никакому обсуждению приказы военного министра не подлежат. В противном случае, я не остановлюсь ни перед какими мерами и заставлю вас пулеметным огнем подчиниться законным распоряжениям“.

„Кто подлежит мобилизации—выходить в сторону“.

Заявление Киржаева и угрожающий тон его слов, вначале ошеломил крестьян. Многие растерянно опустили головы; некоторые стали робко снимать шапки и виновато топтаться на месте.

Но это продолжалось одно мгновение. Толпа заволновалась.

Крестьяне сотнями голосов, кипятясь и перебивая друг друга, засыпали Киржаева:

„Не запугаешь, не из трусливых“.

„Мы тебя не выбирали и знать не знаем. Ты кто такой? Откуда взялся?“

„Если офицера хочут воевать с большевиками, пусть и воюют одни. Нам с ними делать нечего“.

„Чего с ними разговаривать: тащи их с машины, да—об земь“...

„Надо написать о нем областной думе. Ишь какой ерепенистый выискался?..

Густая толпа вплотную напирала к автомобилю. Некоторые крестьяне взяли камни.

Штабс-капитан Киржаев несколько смутился, зло побледнел и после нескольких неудачных попыток перекричать мужиков, выстрелил из нагана в воздух. Толпа, в большем беспорядке, отступила и на минуту испуганно, растерянно и угрожающе замолкла.

Воспользовавшись этим, Киржаев кричал, что если к 12 часам завтрашнего дня приказ не будет выполнен и мобилизуемые не явятся к воинскому начальнику, он приедет сюда с целой ротой и здесь-же всех перестреляет.

Шофферу приказано было ехать.

Уже далеко от толпы, которая опять угрожающе кричала и волновалась, офицеры остановили одного крестьянина и, распросив его, где живет председатель сельского комитета, поехали к последнему.

Председателя не оказалось дома. Офицеры послали за ним. Приказали принести им водки, приготовить закуски и даже расспросили на счет „хорошеньких баб“.

Вскоре пришел председатель комитета. Уже подвыпившие и еще более осмелевшие, офицеры потребовали от него сказать фамилии местных большевиков и вообще лиц, которые „против правительства“.

Но сообразительный и умный мужик, ответил им, что „народ вообще весь одинаков и в селе нет ни большевиков, ни меньшевиков, ни революционеров“.

„Я сейчас расстреляю тебя, негодяй, если ты не скажешь!“—закричал на него Киржаев.

Но и теперь председатель комитета уклонился от предательства.

Тогда ад'ютант несколько раз ударил его по лицу и об'явил заложником, если он не выдаст им большевиков.

Уже совершенно опьяневшие офицеры собрались ехать в город. Председателю, избитому в кровь, приказано было ехать с ними.

На улице, около автомобиля, собралось много крестьян и несколько любопытствующих ребятишек и женщин. Показывая рукою на собравшихся, Киржаев закричал:

„Скажи, кто из них большевики и мы тебя сейчас отпустим".

Из среды собравшихся послышался недовольный ропот. Офицеры в плотную подошли к ним и начали их в упор расстреливать.

Трое было убито; несколько тяжело ранено.

Сопровождаемые испуганным криком детей и многоголосным плачем женщин, офицеры сели в автомобиль и уехали.

II.

Слух об избиении архангельцев искрой разнесся по окрестным селам и деревням. Молодежь многих сел об'единилась, образовала крестьянский штаб и начала подготовляться к обороне.

В то-же время стали распространяться сведения, что расстрел архангельцев есть самовольное действие начальника гарнизона и офицеров, что областная дума и правительство „стоят за крестьян" и т. д.

Эти сведения развозили по деревням эс-эры из уездного земства.

Крестьянский штаб постановил „освободить Славгород от офицеров". Он расчитывал при этом получить за такое дело от областной думы освобождение от мобилизации и уплаты налогов.

Воспользовавшись ближайшим базарным днем, когда в город без подозрения могло приехать много крестьян, мужики, руководимые своим штабом, выступили, захватили врасплох офицерскую команду, заняли штаб гарнизона и другие правительственные учреждения и устроили мужичий „суд" над офицерами. Все захваченные офицеры и добровольцы были убиты топорами и кольями. Всего, около 80-ти офицеров и десять добровольцев.

Чинам штаба во главе с Киржаевым, удалось скрыться.

Повстанцы вскоре преобразовали свой крестьянский штаб в уездный, которому вручена была вся полнота власти впредь до созыва уездного крестьянского с'езда, назначенного на 30 августа с представительством от каждого села и деревни.

Этот с'езд, наряду с другими вопросами, должен был разрешить и вопрос о мобилизации.

В Томск—сибирской областной думе и в Омск—сибирскому правительству была послана повестка с'езда с покорнейшей просьбой прислать своего представителя на уездный с'езд для доклада о текущем политическом моменте и информации.

Начала выходить „крестьянская газета", орган временного крестьянского штаба, где последний, об'являя, что окончательное решение вопроса о власти принадлежит уездному с'езду, заявлял, что он будет отстаивать власть областной думы и в то же время беспощадно бороться с офицерами-белогвардейцами.

Предложенное в начале наступления на Омск было отложено до уездного с'езда и до заслушивания докладов представителя областной думы и правительства.

Были заняты только некоторые станции Кулундинской ж.-д. и выставлено сторожевое охранение по направлению к Татарску.

Никому из представителей образовавшейся крестьянской власти и в голову не приходило, что сибирская областная дума с ними не будет разговаривать, а правительство, образованное ею, пошлет к ним сильную карательную экспедицию под начальством капитана Анненкова, который их будет расстреливать, как большевиков и не повинующихся власти областной думы.

Временный крестьянский штаб был глубоко убежден, что сибирское правительство и областная дума его не только „особым государственным актом" отблагодарит за избавление от нескольких десятков контр-революционеров, но и наделят весь уезд „льготами по мобилизации и налогам".

30 августа, в помещении большого зала Народного Дома, в 12 часов дня, состоялось открытие уездного крестьянского с'езда. Открывал его председатель крестьянского штаба Смирнов. На заседании присутствовало больше 400 делегатов, хотя это были не все: из отдаленных волостей делегаты еще не приехали.

После обеда, стало известно, что со стороны Татарска по железной дороге едут казаки.

В городе началась паника. Горожане начали убегать в степь, закрывать свои дома, магазины и лавочки. Делегаты с'езда частично стали тоже искать укромные места, но подавляющее большинство фанатически уверенное, что с народными избранниками никто не посмеет ничего сделать, собрались в Народном Доме, дабы в крайнюю минуту принять меры для защиты революционной власти.

Был образован „оперативный военно-революционный штаб", который приступил к защите и обороне города от белых.

II.

Дня через три, после приезда в Омск удравшего Киржаева, СТА (сибирское телеграфное агенство) крикливо оповещало:

На станции Татарск властями арестована делегация большевиков, предательски временно захвативших Славгород. Арестованные вначале выдавали себя за сторонников сибирского правительства, но, после сделанного у них обыска и допроса, сознались, что они едут для связи с Томскими большевиками. Найден ключ к целой сети большевистских штабов. Арестованные привезены в Омск и предаются военно-полевому суду".

Измученные после долгих истязаний, славгородские делегаты, наконец, были приговорены к смертной казни за „измену родине".

Перед приведением приговора в исполнение, учителю Мазину удалось написать записку Крутовскому, министру внутренних дел, с которым он еще раньше был хорошо знаком по совместной работе в Красноярске. Мазин просил о помиловании.

Но министр внутренних дел оказался не в силах, что либо сделать, ибо охрана спокойствия и государственного порядка была уже передана военным властям. Председатель правителства Вологодский и министр юстиции, генерал-прокурор Патушинский подтвердили, что „ликвидация этого вопроса передана военному министру" и посоветовали члену своей партии, Крутовскому адресоваться к генералу Гришину-Алмазову.

Гришину-Алмазову в это время надо было уезжать в Челябинск по делам „крайней государственной необходимости",—на совещание с союзниками и на обед, устраиваемый ему в благодарность местным торгово-промышленным обществом.

Уезжая, он поручил своему помощнику, генералу Матковскому, „ликвидировать славгородский бунт со всей строгостью и решительностью".

Генерал Матковский предписал незамедлительно взять на себя личное руководство всеми операциями по „очищению от большевистских банд г. Славгорода и уезда" Иванову-Ринову, старому полицейскому приставу, произведенному эс-эрами в генерал-майоры.

Полицейский пристав Иванов-Ринов всею душою ненавидел Гришина-Алмазова за его былой „полубольшевизм", за теперешнюю „возню с эс-эрами", за введение „чешской формы" в армии и за медлительность с законом о смертной казни.

Поэтому Иванов-Ринов решил твердо „свалить" Гришина-Алмазова и встать во главе военного министерства и армии.

От'езд Гришина из Омска и „предписание «дурака» Матковского были самым походящим случаем".

Получив приказ временно-управляющего военным министерством и врем. командующего сибирской армией—Матковского, Иванов-Ринов рапортом донес,

что охотно принимает на себя „трудную обязанность и вступает в командование всеми вооруженными силами Кулундинского фронта“, подчиняя себе в „боевом отношении“ войска Омского гарнизона, как „ближайшего тыла“.

Самой боевой и самой „непослушной“ войсковою частью в Омске в это время был добровольческий отряд полковника Анненкова.

Обладающие „всею полнотою государственной власти“ омские эсэры не только поздно вечером, но и днем, боялись проезжать в районе этого „революционного“ отряда. Сам военный министр побаивался добровольцев, игнорируя неоднократные испуганные требования своих коллег по правительству о их разоружении.

Даже больше. Гришин-Алмазов вынужден был согласиться на ношение погон „добровольцами, вопреки им же введенной иной чешской формы“. Пока он „по тактическим соображениям не мог согласиться только на присвоение отрядом наименования имени великого князя Михаила Александровича“, о чем так усиленно просили добровольцы.

Этому самому „боевому и дисциплинированному“ отряду Иванов-Ринов приказал „ликвидировать славгородских большевиков“. Полковник Анненков был назначен начальником фронта. Сам Иванов-Ринов „пока что“ задерживался „в Омске“ „для подготовки тыла и приведения в порядок вверенного ему корпуса.

Перед от‘ездом карательной экспедиции со станции Омск, к полковнику Анненкову явился правый эсэр, прапорщик Самохин и пред‘явил ему телеграмму председателя областной думы И. Якушева и удостоверение, подписанное Вологодским и Крутовским.

Из этих документов видно было, что Самохин назначается к Анненкову „гражданским комиссаром для содействия в бескровной ликвидации славгородского инцидента“. Самохин уполномачивался „помогать“ Анненкову от имени областной думы и правительства.

Полковник Анненков пригласил Самохина в комнату коменданта станции и в его присутствии заявил „гражданскому комиссару“:

„Как честный русский офицер, я должен повесить вас на первом фонарном столбе. И если бы под вашими мандатами не было подписи почтенного Петра Васильевича (Вологодский), которого я считаю честным патриотом, я бы это сейчас же сделал. Поэтому предлагаю вам немедленно отправиться туда, откуда вас прислали и никогда не попадаться на глаза солдатам и офицерам моего отряда.

Кру-гом! Шагом марш!“

С самого начала захвата Славгорода крестьянами, Кулундинская железная дорога почти на всем своем протяжении перестала работать.

На станции Татарск скопилось много пассажиров. Этим воспользовался Анненков и приказал отправить в Славгород пассажирский поезд, к концу которого были прицеплены вагоны с его добровольцами, которых было около пятисот.

На последней перед Славгородом станции, которую занимали повстанцы, поезд был пропущен после того, когда дежурный по станции дал „клятву и честное слово“, что едут только пассажиры.

Когда он говорил, сам полковник Анненков держал наган у его виска.

Ввиду этого, без одного выстрела со стороны повстанцев, все они с приходом поезда, были обезоружены добровольцами. Тогда же был совершен суд, скорый и правый.

Все захваченные повстанцы, около двадцати человек, за исключением двоих, оставленных для операционных надобностей были немедленно зарублены новобранцами отряда, обучающимися рубке.

От оставленных в живых приказано было узнать, сколько сил в городе. Когда это было достигнуто и один из них под пытками умер, Анненков приказал отправлять поезд дальше.

Второму крестьянину было приказано подтвердить и заверить по рупору слова начальника станции, что отправляется пассажирский и на станции благополучно...

Карательный отряд двинулся к Славгороду, оставив на станции свой караул.

Всем пассажирам, которые, под впечатление пришедшего „скорого суда", тряслись и намеревались всячески отстать от поезда, приказано было под страхом „того-же" ехать дальше и иметь „бодрый вид"...

* * *

Не доезжая до города несколько верст, Анненков переодел под „пассажиров" добровольцев и послал их вперед сообщить, что „поезд потерпел крушение" и с просьбой прислать помощь, т. к. „едет много баб, от которых нет толку".

В то же время значительная часть отряда была направлена в обход города. В качестве проводников было „прикомандировано" несколько пассажиров, славгородцев.

Как и ожидал Анненков, через некоторое время показалась толпа людей частью вооруженных, и в большинстве без оружия, идущих „помогать поезду". Впереди ехали на дрезине: сам начальник Славгородского гарнизона—крестьянин Петренко, начальник разведывательной команды, Савчук, начальник станции и др.

Рассыпанными в цепь добровольцами, толпа прибывших людей была окружена и тут же почти вся „бездымно ликвидирована".

* * *

Через некоторое время после этого, поздно вечером, Славгород был занят отрядом Анненкова.

Оперативный военно-революционный штаб не только не оказал никакого сопротивления, но под конец, получив утешительные сведения, что едут не казаки, а какая-то „делегация", приготовился к чему угодно, только не к обороне.

Многие разбрелись спать. Многих делегатов с'езда и почти весь крестьянский штаб, добровольцы застигнули врасплох в Народном доме.

Народный дом, магазин Второва и земская управа были превращены в тюрьму, которая постепенно густо наполнялась.

За ночь отряд Анненкова переарестовал тысячи людей, вылавливая преимущественно „не горожан".

IV

Началась ликвидация. Весь город был оцеплен добровольцами. Уезд—об'явлен на осадном положении.

31 августа произошел публичный „суд". Всех арестованных делегатов с'езда членов крестьянского штаба и других „активных большевиков" полковник Анненков приказал „изрубить" на площади против Народного Дома и закопать здесь же в общую большую яму.

Приказание его было доблестно исполнено.

В последующие дни состоялся „суд над заподозренными".

Здесь не всех расстреливали. Многих прогоняли „сквозь строй", били прикладами, пороли шомполами и нагайками, секли „друг-друга"...

После усмирения города, Анненков направил добровольцев „ликвидировать" большевиков в уезде.

Всего только в Славгороде отрядом анненковцев было зарублено и замучено больше тысячи человек.

* * *

Был подтвержден приказ о мобилизации. Всех явившихся здоровых крестьянских солдат Анненков приказал зачислять „добровольцами" в свой отряд.

Для всех вновь принимаемых „добровольцев“ была установлена присяга—клятва „Клянусь верой и правдой служить атаману и тому, кому атаман прикажет“.

Приказом Анненкова „по гражданской части“ все волостные земские управы и сельские комитеты, как „большевистские учреждения“ были упразднены и составлен институт старшин и старост.

Весь уезд был обложен большой „контрибуцией“. Под угрозой расстрела „через пятого“, полковнику Анненкову удалось собрать с крестьян много денег.

К 10 сентября Анненков сообщал в Омск, своему командующему, а теперь военному министру, атаману Иванову Ринову, что Славгородский уезд не только признал власть правительства, но и дал в ряды армии несколько тысяч „добровольцев“. Он просил сформировать добровольческую дивизию его имени.

Омский эсеровский кабинет министров, получив информацию Анненкова, простил ему все „его заблуждения“ и наградил его званием и булавой атамана своего отряда.

Вологодский, Михайлов и др. в своих интервью с корреспондентами заявляли о „раскаянии Славгородских крестьян и доблестных подвигах солдат и офицеров отряда атамана Анненкова...

Иванов-Ринов назначил атамана Анненкова командиром степного (карательного) корпуса, разрешил формировать дивизию его имени и запросил у него послужной список „на предмет представления в генерал-майоры“.

И только желание атамана Анненкова, выраженное рапортом правительству, „быть произведенным в этот чин Его Императорским Величеством“ лишило сибирских эсеров нового удовольствия пополнить свой список еще одним „совершенно своим генералом“.

* * *

Таким образом закончилась попытка Славгородских крестьян поддержать эсеровскую областную думу и правительство.

В итоге—тысячи расстрелянных, море живой человеческой крови, десятки сожженных деревень и... повышение по службе двух-трех киржаевых.

Славгородские крестьяне задумались.

Больше года эсеровские болтуны, ездившие по деревням под видом кооператоров, земцев, областников и других накачивали им головы „народоправством, землей и волей, крестьянской властью“, а в результате—трусливое, подлое, гнусное издевательство и... атаманы с шомполами, нагайками и „расстрелом на месте“.

Невольно тяжелая мужичья мысль искала иного выхода из „народоправческого“ кошмара и скоро нашла...

После этого, Славгородские крестьяне больше уже не поддерживали сибирских эсеров, а их деревни, до последних дней, „народоправства“ не переставая, служили „благодатной ареной“ для больших и малых омских атаманов.

Усиленно „оделяемое“ штыком и розгой крестьянство уже не взывало больше к „потомственным и почетным отцам Сибири“, а на знаменах продолжавшейся борьбы своею-же кровью начертало, более свойственные ему, вполне понятно, и откровенные, рабоче-крестьянские лозунги.

Но слишком дорогой ценой крови и слез купило Славгородское крестьянство это свое сознание.

П. Парфенов.

Воспоминания Омских рабочих о сибирской контр-революции *).

Бой под Марьяновкой.

Рассказывает тов. *Петрухо*, рабочий-слесарь, со ст. Омск, принимавший деятельное участие в борьбе с чехо-словаками.

...—„26 мая, вечером, темно уже было, областной комиссар охраны тов. П. С. Успенский получил сообщение, что чехо-словаки захватили Петропавловск и, вооруженные, подвигаются к Омску в числе 3-х эшелонов.

А мы большой вооруженной силой не располагали.

Но медлить было нельзя.

И была еще надежда—правда, слабая—что дело уладится мирно.

Поехали на другой день с небольшим отрядом им навстречу в Куломзино. Успенский, как комиссар охраны, заявил коменданту чешского поезда, что пропустить поезд в Омск он не может и предложил сдать оружие.

— Что-ж,—ответил чешский комендант, у нас имеется 62 винтовки, мы их сдадим.

— Но мы считаем необходимым осмотреть все таки ваш поезд,—настаивал тов. Успенский,

— На это я не согласен.

Затем чехи сразу изменили тон. Держали себя вызывающе, отстранили нашу бригаду. Мы поняли, что без столкновения не обойтись.

В тот-же вечер, 27 мая, мы сделали в мастерских призыв к рабочим—встать на защиту Советской власти. И вот свыше 200 рабочих-железнодорожников, прямо от станков, усталые, грязные, вооружились, погрузились в вагоны и двинулись на запад. Чехи от Куломзино уже отошли далеко назад и мы их догнали лишь у самой Марьяновки, у семафора. Не успели мы выйти из вагонов и рассыпаться в цепь, как очутились под сильным ружейным и пулеметным огнем. Чехов здесь было уже около 3.000. Они сжали нас в кольцо, засыпали пулями, в вагоны бросали гранаты. Меня контузило, я упал без сознания.

В полночь очнулся. Стояла тишина. Чехи ушли на запад. Кругом лежали убитые, раненые. Из латышей, немцев и мадьяров нашего отряда не осталось в живых ни одного раненого: чехи докалывали их штыками, разбивали прикладами головы“....

Рассказывает рабочий *Баринов*, бывший помощник начальника Омской Красной гвардии:

— „Первый бой мы проиграли по двум причинам: не успели как следует организовать нашу вооруженную силу и, кроме того, слишком близко подошли

---

*) Воспоминания эти появились следующим образом: Омским губернским комитетом партии к годовщине чехо-словацкого переворота в июне сего года была организована запись воспоминаний Омских рабочих преимущественно железнодорожников, очевидцев чехо-словацкого переворота и участников борьбы с ними. Воспоминания эти были напечатаны в омской газете „Рабочий Путь“, из которой мы их и заимствуем.

к чехам. Надо было выйти из вагонов за 3—4 версты до Мариановки, а поезд влетел на самую станцию. Я заметил это, вижу дело плохо, а тормаз не действовал. Не дожидаясь полной остановки, командую:

— В цепь, товарищи! За мной, по линии!

Чехи засыпали нас огнем, били в упор и с флангов, и с тылу. Наши ряды быстро редели, в моей цепи осталось каких-нибудь 20 человек. Ну, и проиграли!..

На другой день чехи отошли. Мы остались. Осматривали и подбирали изуродованные и раздетые трупы наших товарищей. Кровавые издевательства чехов были так многочисленны и очевидны, что мы, оставшиеся в живых решили умереть, но отомстить за своих.

До 7 июня чехи вели двойную политику, договаривались с Советской властью о соглашении в то же время входили в связь с самыми от'явленными черносотенными казаками. Нам удалось двух казаков захватить: у них оказались пулеметные ленты, данные чехами.

7-го июня, часу этак в одинадцатом утра, только мы сели обедать—трах! два чешских снаряда разрываются на расстоянии каких нибудь 40 шагов от нас. Вскочили мы, заняли позиции—и завязали бой. Первое наступление неприятеля мы отбили, но потом держаться стало трудно. Чехи развили такой бешеный огонь, ружейный, пулеметный и артиллерийский, что нельзя было давать команды—ее не слышали. От взрывов, дыма и пыли солнце, казалось меркнет. Жестокий был бой. А с тылу на нас еще предательски нападали казаки. Телефоны наши оказались перебитыми, связь со штабом почти потеряна... Я был контужен, упал в канаву без сознания. А в это время судьба боя была уже решена: чехи докалывали наших раненых. На деревьях около линии висели два трупа повешенных чехами железнодорожников. На стрелке лежал труп расстреленного ими же телеграфиста.

II.

Расстрел в мастерских.

Рассказывает старик *Николаев*:

— После падения Советской власти, настроение у сознательных рабочих было скверное, работать не хотелось, мастерские пустовали. Чехи и казаки стали сгонять нас на работу силой,—заходили в дома и выгоняли... На улицах ловили... Поймали и меня на базаре, привели в мастерские. Одновременно привели и тех шестерых, которых при мне же и расстреляли. Это было четверо рабочих, один конторщик и один табельщик—тов. Расскин. Был среди них и один беспартийный, и его тоже прикончили.

Было это так. Прибежал в контору мастерских сам Красильников, казачий атаман, указал на этих шестерых и приказал вывести их во двор. Во двор же согнали всех рабочих и служащих.

А на дворе уже взвод солдат с винтовками.

Поставили обреченных перед взводом. Красильников и кричит всем, кто тут был:

— Этих негодяев, не желающих работать, я приказал расстрелять. Это будет вам хорошим уроком. Всех, кто не станет на работу, расстреляем в два счета. Так и знайте.

А тов. Рассохин ему в ответ:

— Подожди, атаман, захлебнешься рабочей кровью, сколько-бы ты ее не пил. Подавишься нашим братом.

Другие осужденные плакали, спрашивали рыдая:

— За что... За что...

Особенно, который беспартийный. Человек в самом деле не причем был... совсем зря...

Ну и расстреляли. Смертельно раненного Рассохина офицер добил из револьвера. Расстрелянных бросили, как собак, даже членов их семейств к ним не подпустили. Ночью, тайком, трупы убрали и закопали неизвестно где. Так и до сих пор не знаем, где, например, схоронен тов. Рассохин.

III.

П о д к о п.

Рассказывает тов. *Баринов*:

— В Омском концентрационном лагере было заключено до десяти тысяч коммунистов и сочувствующих им. Охраняли, главным образом, чехи. Отношение к заключенным было известно какое... Кормили тоже плохо...

— Какая иной раз была кормежка,—поясняет тов. Терентьев (рабочий завода оммеханлит),—можно судить потому, что некоторые заключенные подбирали из помойных ям остатки каши, бросаемые солдатами. А ямы то были у самой колючей проволоки. Так одежду рвали, кожу на себе рвали о проволоку, чтобы достать каши...

— Работу подпольную мы в лагере не бросали—продолжает тов. Баринов:

— Организовали свой партийный кружок, пятерку выбрали: вошли в нее тов. Дмитриев я и другие. Задались целью—постепенно освобождать товарищей, а потом и самим освободиться. Удавалось доставать пропуска; освободили мы таким образом весь самарский комитет. Потом задумали массовый побег и решили вести подкоп. Дело к осени подходило, попросили мы чехов разрешить нам устроить сцену в шестом бараке. Разрешили. И вот начали мы из под сцены вести подкоп сажен так на 15 по направлению к уборной. Работали преимущественно по ночам. Но такая работа, как известно, скоро не делается, терпения требует. У некоторых терпения не хватало: начали рыть в другом месте и вподались. Поймали их, избили жестоко. Произвели везде обыски, осмотры, обнаружили и наш подкоп. С новой силой возобновились репрессии, расстрелы. Было расстреляно 12 человек по одному из десятка.

Расправа у кирпичного завода.

Рассказывает тов. *Терентьев*, молотобоец Омского литейно-механического завода.

В 1918 году он был ранен в первом бою под Мариановкой и привезен в один из омских госпиталей. Некоторых раненых чехи прикалывали даже в госпиталях,—боялся за свою участь и Терентьев. Но выручил доктор госпиталя. На требование, чехов выдать большевиков, он ответил:

— Когда выздоровеют, тогда берите их и судите. А сейчас никого вам не дам.

— 10-го июня—рассказывает тов. Терентьев,—выписался я, пришел домой. Вслед за мной прибегает братишка и говорит:

— Сейчас к кирпичному заводу провели 10 арестованных... расстреливать будут... заставили их копать могилу.

Я тотчас-же пошел к заводу с братишкой. Вижу народ идет туда же, рабочие. У завода — чехи и казаки, человек 50. Окруженные конвоем товарищи яму копают. Кто они такие—не узнал. Повидимому, рабочие, красногвардейцы, один с повязкой на рукаве, какую носили военнопленные.

— Конвой кричит публике: „расходись“. Отошли мы немного, я в кустах лег.

— Несчастных не расстреливали. Казаки стали рубить их по головам лопатами. Ударят и спрашивают:

— Ну, больно? Больно?

Некоторые товарищи молча, стойко переносили все это. Другие кричали:

— Убивайте сразу. Зачем мучаете-то.

Лопаты были, надо вслагать, новые, острые. Кое-кто от одного, двух ударов замертво повалился. Так всех порубили... Когда ушли, я подошел и заглянул в яму. Она была залита кровью. Некоторые еще стонали. Не выдержал я, заплакал... Солдат какой-то подошел:

— На фронте, говорит, такого зверства не видывал.

Трупы лежали, как падаль. Только дня через два разрешили зарыть.

IV.

Человек с того света.

Полушутя, полусерьезно показывают мне на одного старого рабочего.

— Вот человек с того света. Белые его расстреляли, а он вон ходит да улыбается...

Человек этот—рабочий *Есин*, строгальщик по железу, коммунист. Изможденное лицо, полуседые волосы, напряженные мозолистые руки. К революционному движению примкнул еще в начале девятисотых годов, с момента проезда через Омск Марии Спиридоновой. Участвовал в бою под Мариановкой, потом был арестован и заключен в тюрьму, где и сидел почти до самого прихода Красной армии.

„Мы в тюрьме знали о том, что колчаковцы уходят,—говорит тов. Есин,—но знали также и о том, что, пожалуй, и нам не сдобровать: уходя, они, наверное, с нами покончат.

9-го ноября, за пять дней до прихода Красной армии, тюремная администрация сменилась военной. Говорили, что уже подготовляли расстрел, составляют списки.

И вот 12-го ноября, часов в 6 утра, на рассвете, слышим какой-то шум. Посмотрели в волчек (маленькое окошечко в тюремной двери), видим выводят наших из камер, связывают по 5 человек... Дело ясное: ведут на расстрел. Через час вызвали и нашу камеру по списку 39 человек и отвели в смертную камеру—ждать своей очереди.

Сидим, ждем. Кто плачет, кто, как деревянный стал... Многие товарищи просто как больные: мечутся, стонут. А во мне—не знаю, что со мной сделалось—точно огонь играет, даже весело стало... Достал кипятку, заварил чаю:

— Давайте, говорю, товарищи, хлебнем по чашечке, помянем себя живьем. А потом выйдем с песней умирать.

И так мне хотелось подбодрить, что—не поверите—плясать по камере пошел. Честное слово.

Товарищи и говорят:

— Что ты, старик. Ума нешто решился. Брось.

Ну, вижу, пляс мой не действует. Перестал.

А по корридорам все выводят по пятеркам... Сколько уж партий провели, да в одной пятерке должно быть двух не хватило. Заходит к нам солдат, кричит:

— Выходи двое, кто желает.

Со мной рядом Полынский был Семен Иваныч, колесный токарь, товарищ мой старый. Вызвался он.

— Я, говорит, пойду.

А я ему:

— Погоди, мол, Семен Иванович. Пять минут да наши. Нечего, мол, для палачей торопиться. Пойдем, когда потребуется, вместе. Вместе мы с тобой жили, работали в одной мастерской, вместе и умирать пойдем.

Остался он, руку мне пожал.

Сидели мы этак и ждали целый день. Часу в пятом вызвали нас во двор, связали толстыми нитками (бичевок-то должно быть не хватило) по пять человек за руки около плеча, большим конвоем окружили, было нас 39 человек, в том числе 8 женщин.

— Ложись по ту сторону оврага затылком к нам.

Увидел зятя своего (вместе мы с ним сидели), протиснулся было к нему, чтобы рядом лечь, да конвой не пустил.

Перешел овраг, лег вместе с другими, лицом вниз, на белый снежок.

Опять команду слышу, последнюю:

— Залпом, не стрелять, а цельтесь каждому в затылок.

Затрещали выстрелы. Первые выстрелы меня совсем не задели, потом одна пуля в ногу попала, легко, другая в шею, вскользь, вот сюда.., (тов. Есин показал шрам на шее, у затылка).

Направо и налево стонут, умирают. Жду, когда же меня трахнут, докончат.

Выстрелы трещат, и все мимо... Наконец перестали.

Пошли со штыками вниз докалывать тех, кто еще стонет. Я зубы стиснул, глаза закрыл, молчу.

Приняли меня за мертвого. Сапоги стащили. Один солдат говорит: возьмем давай и брюки с него за одно.

Другой нагнулся, посмотрел и ответил:

— Куда их, в кровище все...

И ушли.

Слышу, рядом со мной еще один товарищ шевельнулся, Черепанов Семен. Жив тоже оказался. И первый поднялся и пошел. Наверно поймали его на другой день там же: в леске он оказался заколотым.

Поднялся и я. О ранах своих, хоть кровь из них и бежит, забыл.

Одна мысль в голове—жив, жив. Пошел по направлению к Иртышу, по снегу, босиком. Дошел до города. Постучался в одну избу—не пустили, в другую тоже. А третья открытой оказалась. Зашел, а там двое офицеров сидят. Взглянули на меня, спрашивают:

— Где это тебя так уподчивали,..

— Да грабители, говорю, какие-то. . Сапоги сняли, чуть не убили...

Поверили. Спирту рюмку налили. Выпил я.

Хозяин штиблеты старые дал. А на дворе уже ночь. Но ночевать я не остался. Пошел к свату на Тобольскую улицу. Так вот и спасся. В роще осталось около двухсот расстрелянных. Мне же, видно, не судьба. Поживем еще, поработаем.

Наследие эсеров.

Рассказывает т. Кучкин военкомдив 27.

Вот и столица—Омск—в наших руках.

Станция, вагоны, город переполнены больными тифом, масса трупов расстрелянных.

Далее наша дивизия берет Новониколаевск.

По пути от Омска до Новониколаевска рассеяны ужасы. В две линии тянутся вагоны. Их масса. И все они битком набиты трупами, словно дровами. По сторонам линии торчат из снега руки и ноги мертвецов.

Местами трупы сложены в огромные кучи. Это—расстрелянные при отступлении белыми.

Барабинский вокзал представляет собой склад мертвецов и полуживых. Среди трупов шевелятся полуживые, умирающие от тифа. И лежащие внизу живые умирают от удушения их лежащими верхним слоем полуживых.

Стоны, крики и мольба.

Все они полураздетые или совсем нагие.

В школе, в прилегающих к станции железно-дорожных зданиях тоже масса трупов расстрелянных. Свалены в кучу до потолка. Почти все в кандалах, с штыковыми и сабельными ранами.

Есть и с снесенными головами, с раздавленными грудями, с отрубленными руками и ногами, с переломанными ребрами.

Мужчины и женщины. Штатские и военные. Русские, евреи, поляки, киргизы, башкиры, китайцы.

Никого не жалели наследники эсеров. Всех били, кололи, рубили. Наши красноармейцы командами, ротами приходили на эту могилу, яркую свидетельницу результатов эсеровской работы, снимали шапки, молча обходили комнату и, глубоко вздыхая, видели, как на полу ползали матери, сестры, отцы и братья расстрелянных, ломая в отчаянии руки и обливаясь слезами отчаяния и мести.

Затем красноармейцы тихо, бесшумно, как-бы боясь нарушить покой мертвых, выходили на улицу и громко, во всеуслышание давали друг перед другом и всем окружающим их клятву, что отомстят за эти жертвы, что не выпустят из рук винтовки, пока не будет стерта с лица земли гадина—контрреволюция.

На кладбище, в лесу, в трех верстах от Новониколаевска, мы нашли огромнейшие ямы, заполненные трупами и тут-же огромнейшие штабеля трупов, для которых еще не успели вырыть ямы.

Это опять расстрелянные. Тут есть и, восставшие в Новониколаевске барабинцы Барабинского полка, солдаты и офицеры.

На это место расправы умирающего зверя—колчаковщины—мы привезли на автомобилях, захваченную в плен вместе с колчаковцами английскую миссию, в числе пяти человек, являющуюся представителями Антанты и контролерами выполнения антантовских заданий Колчаком и его приспешниками.

При виде всех этих ужасов, с миссией сделалось дурно. Уж на что вышколенные на убийствах нервы, но и те не выдержали.

Пришлось нам-же отвезти знаменитых гостей в ближайший дом и там отхаживать их.

Эта миссия, придя в себя, послала по телеграфу, а затем по радио, в Англию сообщение о виденном ими ужасе и расправы колчаковцев с мирным русским населением, призывая всех честных людей к протесту против таких зверств и к требованию о прекращении войны с Советским провительством. Но можно ли было верить искренности такой телеграммы?

Миссию эту вместе с трупами мы сфотографировали на память, карточка у меня имеется.

И таких картин, подобно описанным, наша дивизия в своем победном шествии встречала не мало.

* *
*

Вот еще маленькая иллюстрация эс-эровского наследства.

Вывезено колчаковцами из России до 10.000 пудов золота, уничтожено в Сибири 56,000 крестьянских хозяйств, сожжено 20.000 построек, угнано 40,000 голов скота, разрушено 167 железнодорожных мостов, в том числе через Тобол, Ишим, Иртыш и Обь, разрушена масса вокзалов, водоемных башен, 66 водоснабжений, испорчено и выведено из строя 70 процентов паровозов, десятки и сотни тысяч вагонов и без числа многое другое.

И это по крайне неполным и неточным сведениям.

Кольчугинское восстание 7—9 апреля 1919 года.

(Воспоминания участников).

I.

После свержения первой Советской власти наступила в Сибири свирепейшая реакция колчаковских белогвардейцев—опричников. Эта реакция поставила кольчугинских рабочих в невыносимое положение—нагайка и шомпол царили везде и всюду.

Рабочая масса, попавшая в такое положение, поняла, что единственным спасением и избавлением от свирепствовавших сынков помещиков и фабрикантов является свержение власти Колчака и уничтожение золотопогонной сволочи, восстанавливающей времена господства буржуазии.

Передовые рабочие Кольчугинского рудника взяли на себя серьезную и трудную задачу—подготовку восстания против власти Колчака.

Еще в сентябре 1918 г. в Кольчугино был организован нелегальный комитет Р.К.П., которому и было поручено провести всю подготовительную работу среди войск, расположенных в Кольчугинском районе, а также заняться сбором оружия и организацией боевых частей из рабочих и крестьян.

К марту 1919 г. комитет сумел подготовить до пяти тысяч штыков.

Наиболее сильными организациями считались: бочатский и прокопьевский райкомы РКП, на которые возлагалась большая надежда при восстании.

К марту м-цу была закончена вся подготовительная работа; войска были с'агитированы, оружие собрано. Осталось еще раз проверить свои силы, просмотреть свои ряды, чтобы с полной уверенностью в победу выступить против ненавистных золотопогонников. По плану предполагалось, что между 23 и 28 апреля должны были одновременно начаться выступления во всех крупных центрах Томской губ., не исключая и самого Томска. На деле же вышло совершенно иначе.

Для того, чтобы теснее связаться с местами и проверить силы, почти все члены комитета РКП в начале марта раз'ехались по району. В Кольчугине осталось незначительное количество ответственных руководителей. В это время рабочие и часть гарнизона дошли до такой степени возбуждения, что сдержать стихийную волну негодования и гнева было чрезвычайно трудно. 6 апреля ночью все имеющиеся налицо члены организации (около 20 человек) в полном вооружении собрались к 111 бараку, оттуда разбившись на две группы, повели наступление против золотопогонных гадов.

Первая группа наступала на 3 барак, где помещался штаб белогвардейцев, 2-я под командованием Хорашевского наступала на ст. Кольчугино. Обе группы сначала достигли намеченной цели: штаб белогвардейцев был взят, взята была и ст. Кольчугино. На другой день, 7 апреля началось наступление на ст. Раскачиха под командованием тов. Голикова, наступление оказалось неудачным и, под сильным обстрелом белогвардейцев, наши повстанцы отступили к ст. Кольчугино.

Через 2 дня, т. е. 9 апреля белогвардейцы двинули свои отборные части из барнаульского, бийского отряда к Кольчугино заняли его и начали свою зверскую расправу с рабочими рудника. В результате месячных зверств было замучено и убито около 500 рабочих.

Кольчугинское восстание было подавлено... Тайга, Кузнецкого, Маринского и Барнаульского уездов приютила у себя новые сотни беженцев, спасшихся от золотопогонной сволочи,

от убийц рабочих, женщин и детей; и в то время, когда здесь в Кольчугино шла расправа с восставшими рабочими, в Тайге велась самая кипучая подготовка к новым наступлениям более грандиозным, давшим победы красным партизанам.

В Кольчугино погибли в дни мартовского восстания сотни пролетариев; их гибель вдохнула новые силы оставшимся в живых, которые довершили в конце концов их дело—освободили Сибирь от золотопогонной сволочи.

Вечная память погибшим. Преклоним головы перед их мученической гибелью, но поднимем еще выше наше алое знамя борьбы за коммунизм.

Член нелегального райкома РКП (1918—1919 г.г.). Ходародзе.

II.

Восстание чехо-словаков весной 1918 г. против Сов. власти было началом надвигающейся черной сибирской реакции. С лишним $1\frac{1}{2}$ г. гуляла колчаковская золотопогонная свора грабителей и убийц Массовые расстрелы, порки нагайки и висилицы занимали самое почетное место в царстве Колчака, чем и вызывали огромное недовольсто и волнение среди рабочих, возраставшее с каждым днем.

Уже к концу 18 г., мы наблюдаем. что почти во всех крупных районах и городах, по инициативе более сознательных рабочих и уцелевших старых партийных работников, создаются «нелегальные» организации, ставящие перед собой одну общую и основную задачу: освобождение Сибири от колчаковской реакции и борьбу за установление Советской власти. В частности кольчугинские рабочие, также не могли оставаться пассивными, ибо всем было ясно, что свержение белобандита Колчака неизбежно и что к этому свержению нужно во что-бы то ни стало подготовиться. Эго убеждение выросло из самой обстановки жизни, как выход из создавшегося положения. Рабочие поняли, что только применением революционной борьбы они смогут свернуть шею буржуазии, устраивающей святопляску на трупах, в одиночку гибнущих товарищей.

К концу 1918 г. (приблизительно в ноябре м—це), на руднике Кольчугино образовалась нелегальная организация РКП, главным инициатором которой были рабочие рудника: Д. И Погребной, А. В Голиков и Виноградов. Активных участников организации в первое время насчитывалось только около 15—20 чел Ближайшей основной задачей в практической работе организации было: создание из наиболее преданных делу революции товарищей мощных нелегальных ячеек не только на руднике, но и в районе; разложение частей колчаковской армии, находящихся в Кольчугино и его районе и привлечении их в нужный момент на свою сторону, на разрешение этих задач были брошены лучшие силы нелегальной организации.

Результаты этой работы были довольно благоприятные: к февралю м-цу 19 г. мы достигли уже такого соотношения сил, что перевес имелся на нашей стороне, а некоторые военные части гарнизона были полностью на стороне большевиков. Таким образом, выступление в любой момент было обеспечено.

Последующая работа организации протекала, главным образом, в расширении следующих задач: 1) во что-бы то ни стало добиться установления связи с существующими в других местах нелегальными организациями (в Томске, Ново-Николаевске, Анжерке, Кемерово и др.), дабы выработать совместно с ними план действий, с этой целью были командированы из Кольчугино ряд т—щей.

Вскоре, после их от'езда в Кольчугино, прибыл один из нелегальных работников г. Томска И. Голиков, который, ознакомившись с положением и обстоятельством нелегальной работы, на одном из ближайших заседаний нелегального комитета твердо настаивает на немедленном выступлении, говоря, что коль скоро мы уже имеем все необходимые шансы и предпосылки к немедленному выступлению, то ожидать не приходится. Между прочим, на заседании нелегального комитета, состоявшемся 2-го или 3-го апреля 19 г. этот вопрос в результате вылился в чрезвычайно серьезную и спорную форму, где создалось два течения:

с одной стороны, т. Голиков, поддерживающий немедленное выступление и с другой, т. Д. Погребной, доказывающий необходимость установления связи с др. организациями и организованного совместно с ними выступления. Большинство членов нелегального комитета остановились на положении, выставленным т. Голиковым и заседание здесь же назначает день выступления на 6-е апреля в 2 часа ночи. Нелегальный комитет, в связи с таким постановлением, сосредоточил всю свою работу исключительно на проведение подготовительной работы к выступлению, ибо времени уже оставалось только 2 дня. Почти во все крупные части гарнизона, как-то: штаб. станция, офицерский клуб и пр. были выделены руководители — комиссары, роль их сводилась к подготовке и руководству боевыми действиями во время переворота. К моменту выступления 6 апреля в офицерском клубе происходит роскошное гулянье, на котором присутствует большинство офицерства местного гарнизона.

В 2 часа ночи внезапно раздается призывной сигнал,—гудок капитальной и Николаевской шахт, долго несмолкающий протяжный, систематически повторяемый обрывами, который сразу разрядил напряженность, охватившую в этот вечер рабочих. Военные колчаковские части местного гарнизона, хотя и знали о том, что в Кольчугино существует и работает нелегальная организация и что в их частях также дело обстоит далеко неблагополучно, однако совершенно не были подготовлены к восстанию; гарнизон, вследствии отсутствия большого количества офицеров, был захвачен довольно легко, с небольшим сопротивлением некоторых частей офицерства, выбежавших из помещения клуба. С нашей стороны потери выразились лишь 2 ранеными.

Все захваченное офицерство, при необычайном возбуждением солдат и рабочих, было перерублено.

Утром 6 апреля, начиная с 4 до 6 часов, в помещение военного штаба стали стекаться массы рабочих. Дружными криками «ура», они приветствовали активных участников восстания, разбирая оружие, захваченное у белогвардейцев. На 11 часов утра в этот день было назначено общее собрание рабочих и служащих рудника. Зал народного дома был битком набит преимущественно рабочими, которые по группам обсуждали злободневные темы: как организовать оборону от белых рудника, как в дальнейшем вести наступление, как восстановить работу профорганизаций и т. п.

Все трудящиеся кольчугинского рудника в этот исторический день праздновали победу над своим врагом,- колчаковским правительством. Однако, эту торжественную победу праздновать долго не пришлось.

Через 2 дня в Кольчугино снова появились части колчаковских войск и снова черные тучи нависли над всеми трудящимися кольчугинского рудника — снова началась свистопляска нагайки и шемпола загуляли во всю.

Расстрелы замеченных участников производились не в одиночку, а группами в 350 человек. В результате одних участников восстания в течение «кровавого месяца» погибло более 500 человек, не щадились и те, кто фактически не участвовал в восстании. Всякие не человеческие жестокости и пытки, какие только могло придумать озверелое офицерство для причинения наиболее мучительной смерти применяло открыто, легально. Белогвардейцы мстили за часы своего страха, за дни своего ужаса, навеянного на них восстанием...

Мартовские события на долгое время останутся в памяти горняков кольчугинского рудника. Много товарищей честных и стойких погибло в последующие дни жестокой расправы за выступление против извергов и палачей — представителей колчаковской реакции. Память о них у нас должна быть вечной, перед их честным подвигом мы должны преклонить головы и должны учиться у них бесстрашно умирать — тогда и мы победим и довершим начатое дело.

Е. Фильков.

Герои борьбы.

Николай Николаевич Яковлев.

Трудно в небольшой заметке дать более или менее полную характеристику этой славной многогранной личности, с которой неразрывно связана вся история и деятельность Советской власти в Сибири перзого, так сказать, созыва т. е., до чеко-словацкого переворота. Играть в этом революционном периоде крупную роль, занять центральное положение, стать во главе всех партийных работников и руководить и управлять массами Сибири могла только такая личность, как Яковлев, в котором гармонически сочетались достоинства видного серьезного теоретика и незаменимого практического работника.

Яковлев прошел суровую революционную школу. Вступил он в партию не в пору ее расцвета, а в пору упадка, когда после революции 1905 года значительная часть интеллигентных сил, охваченная апатией и мещанскими стремлениями малодушно оставила ее ряды.

Он был студентом Московского университета, когда в мае 1907 года, его впервые арестовали на собрании представителей Лефортовского района, московской организации. Отбыв в административном порядке трехмесячный арест, Яковлев бросает университет и целиком отдается партийной работе. С тех пор он становится душой и организатором любого партийного начинания, любой большевистской, конечно, нелегальной, организации, работая под разными кличками—„Николай Васильевич", „Василий Иванович" и др.,—под каковыми его неоднократно подвергают обыску и аресту.

В эту пору своей революционной деятельности он настолько выявил себя, как закаленный и последовательный большевик, способный в любую минуту найти выход из самого затруднительного положения и умеющий всегда правильно определить направление партийной работы, что когда в 1913 году на конференции, состоявшейся под председательством т. Ленина в Поронине (Галиция), зашла речь о том, кому поручить руководство нашим легальным партийным органом в Москве—газетой „Наш Путь",—все остановились на Яковлеве.

Вскоре его арестовывают и за принадлежность к московской соц.-дем. организации ссылают в Нарым. Он бежит оттуда. Его снова арестовывают. На этот раз в Харькове, где он работает под фамилией Стариков, и опять ссылают в Нарым. Яковлев бежит вторично. Это уже было во время войны. Но недолго и на этот раз он был на воле. Такие революционные натуры не могут сидеть сложа руки и устраивать свое личное благополучие. Он принимается за восстановление московской организации, расшатываемой военным шовинистическим угаром, который, охватив всю Россию, расстроил на первых порах ряды рабочего класса. Он участвует также в работе той исторической конференции, на которой (в Финляндии, 30 сент. и 1 окт. 1914 г.) наша думская фракция при участии Каменева и других товарищей выработала, во первых, ответ Вандервельду, на его воинственное предложение и, во вторых, ту тактику, которой наша партия держалась во время войны, тактику, приведшую к гибели царизм и заложившую основы нашего коммунистического строя.

В конце 1914 года Яковлева вновь арестовывают и возвращают на место прежней ссылки, в Нарым. Яковлев здесь ставит себе задачей дать ссыльным теоретическое образование и политическое воспитание, чтобы выработать из них партийных работников.

Чтобы разрядить нарымскую ссылку, превратившуюся в настоящее революционное гнездо, царское правительство решило сдать „политиков" в солдаты.

Яковлев вступает в организовавшийся военно-социалистический союз. Зародившись в начале осени в Нарыме, союз расцветает в Томске, где он держал в своих руках весь гарнизон. Этот союз в дальнейшем распространяет свое влияние на всю Сибирь. В февральские революционные дни этот союз сыграл крупную роль.

В февральские же дни Яковлев, как это и следовало ожидать, выдвинулся в передние ряды. Он входит в президиум томского совета и в состав томского „Комитета общественного порядка и безопасности" и принимает энергичное участие в ликвидации царского режима. То он на трибуне выступает, как оратор, с пламенной речью, отчеканивая каждое слово перед рабочими и солдатами, то он, как пропагандист, пишет воззвание, листовку, или статью для томских „Известий", то он, как администратор и организатор, вырабатывает проэкты и инструкции, дает советы и лично участвует в организации союза или партийного комитета.

Свою особую распорядительность он проявил в знаменитые корниловские дни. Томский белогвардейский гарнизон воспрянул было духом. Если же ему ни на минуту не удалось высоко поднять голову, так это только благодаря находчивости и решительности Яковлева, который, быстро оценивая своим пытливым умом положение, сумел поставить дело так, что белогвардейщина дрогнула и отступила еще до того, как телеграф сообщил из Петрограда о полнейшей ликвидации корниловского заговора.

Такую же распорядительность он проявил и позднее, в марте 1918 года, уже при Советской власти, когда надо было ликвидировать реакционную Сибирскую областную думу.

Особенность характера Яковлева заключалась в том, что он нигде и никогда не выставлял своего собственного „я". Ему почти всегда удавалось проводить свое мнение или свой взгляд, но проводил он это после обсуждения с товарищами, с мнением которых считался и проводил, как коллективное творчество.

На втором с'езде сибирских советов, который состоялся, приблизительно, в марте 1918 года в Иркутске, Яковлев был избран в сибирский ЦИК и назначен его председателем. Первую задачу, которую Яковлев поставил себе тогда, была борьба с есаулом Семеновым, для ликвидации которого формировались отряды красногвардейцев с артиллерией и даже кавалерией. Эти отряды не раз наносили тяжелые потери Семенову и не раз, под их натиском, Семенов удирал вглубь Маньчжурии.

Окончательно ликвидировать Семенова тогда не удалось: помешал чехословацкий переворот.

Томск заблаговременно эвакуировался. Омск, после небольшого боя, пал. Красноярск оказал некоторое сопротивление. Иркутск же, власть над которым находилась в руках Яковлева, вступил с чехо словаками и белогвардейцами в схватку и даже нанес им несколько чувствительных поражений. Отступая пядь за пядью пред натиском более численного и лучше вооруженного врага, защищая грудью и орошая своей кровью каждый шаг советской территории, небольшая, возглавляемая Яковлевым, группа революционеров-смельчаков (среди них Кулинич, Федор Лыткин и др.) оказалась отброшенной вглубь сибирской тайги на берег реки Олекмы, приток Лены, где их окружили и в неравном бою убили.

Так закончил свой жизненный путь один из лучших революционеров коммунистов.

Арнольд Нейбут.

Одна из самых свежих и дорогих могил, принявшая останки расстреленного после славного февральского (в 1919 г.) восстания в г. Омске—это могила председателя центрального комитета сибирских коммунистов—т. Арнольда Нейбут (партийная кличка „Петр").

Старый революционер, он долгие годы томился в изгнании в Америке. Путь изгнаннической жизни пройден им не с посохом пилигрима. Он и там работал на революционном поприще в единственной американской боевой пролетарской организации „Ай Доблью Д.блью" (союз-индустр. рабочих мира), организации, которая родилась в С. Америке в противовес желтым союзам, руководимым предателем, лакеем капиталистов—Гомперсом.

Там т. А. Нейбут создавал новое здание революционного интернационала и являл пример неумолчной борьбы за настоящую свободу, за настоящее равенство трудящихся. Революция в 1917 г. вернула т. А. Нейбут в Россию, где он, едва добравшись до первого города революционной страны (Владивостока) сразу же с головой ушел в революционную работу.

При его деятельном участии там вскоре же создается мощная организация большевиков.

Он налаживает там и редактирует прекрасную газету „Красное Знамя". Он руководит деятельностью Владивостокского совета. Он выставляется кандидатом и проходит от Приморской области по списку партии большевиков в Учредительное Собрание.

Одним словом, он всюду и везде, где только кипит революционная работа, откуда несутся зовы великой борьбы пролетариата за освобождение.

С переходом власти к советам, т. А. Нейбут ведет во Владивостоке мудрую, достойную и спокойную внешнюю политику местного совета, создавая тем самым хороший намордник капиталистам Японии и Америки в их стремлении захватить и поделить между собою богатства нашего Дальнего Востока.

К открытию Учредительного Собрания, т. Нейбут едет в Петроград и с этого момента начинает энергично работать во всероссийском центральном исполнительном комитете.

В самые тяжелые для мирового пролетариата дни перед Брестским миром, он организует в Питере международный красный легион, куда входят и американцы, и англичане, чтобы с оружием в руках согласовать свое революционное слово с революционным делом.

Незадолго до падения в Сибири Советской власти он назначается во Владивосток комиссаром по иностранным делам Дальнего Востока. Но Сибирский контр-революционный переворот застает его в пути в Омске и он входит в штаб Западно Сибирской советской красной армии, только что перед этим начавшей формироваться и вместе с нею отбивает удары чехо-словаков и белых.

Разгром рабочего класса в Сибири, массовые казни и пытки, которыми начинают здесь свое хозяйничанье вечно пьяные разнузданные банды белогвардейской офицерской сволочи,—только усиливают у т. А. Нейбута жажду борьбы. Он вместе с другими, оставшимися в живых, товарищами уходит в подполье и долго работает там над созданием тайных партийных организаций и революционных штабов красных партизан бедноты сибирских деревень и городов. Достойной оценкой его работы в этом направлении служит избрание т. Нейбута на с'езде (конференции) сибирских большевиков (в конце 1918 г.) председателем сибирского партийного центрального комитета.

Работая в этом комитете, он принимает самое деятельное участие в Омских восстаниях 22 декабря 1918 г. и 1-го февраля 1919 г. Во время ликвидации последнего восстания, т. Нейбут падает жертвой предателя и палачей Омского „царька"—Колчака, которые нечеловеческими муками самых позорных и утонченных пыток платят этому мученику и борцу за свою поразительную трусость,

проявленную ими особенно сильно и позорно в славные дни Омского декабрьского восстания, когда вся Колчаковская челядь, вся офицерская муть при первых известиях о восстании разбежалась и спряталась по норам, оставив город в течение 4-х часов почти без всякой власти.

Михаил Рабинович.

Февральская революция застала Рабиновича в Туруханском крае, куда он в 1915 году был в административном порядке выслан за организацию комитета „Бунда“ (еврейской рабочей соц. дем. партии). В ссылке он занялся основательным изучением нашей партийной литературы и вскоре примкнул к большевикам. Освобожденный революцией, он заехал в Томск только для того, чтобы повидаться с товарищами, но, присмотревшись к той кипучей работе, которой были захвачены томичи, он решил остаться здесь. Его назначили секретарем совета, но сухая секретарская работа его не удовлетворяла. Рабиновича тогда отправили на копи, где вместе с Суховерховым он занялся организацей горнорабочих и агитацией среди них.

„Правильно и без перебоев идет работа в высших союзных органах только тогда, когда в низах: в ячейках на шахтах, отделах—кипит жизнь и товарищи рабочие интересуются каждым вопросом, выдвигаемым самой жизнью . Так говорил незабываемый организатор массовик, любимый рабочими Судженско-Анжерских копей—т, Михаил Рабинович. Вся его пронизанная огнем вдохновения работа и жизнь состояла из цепи событий, которым он отдавал и мысль, и чувства свои Кто организовал первые ячейки шахтных, цеховых комитетов? Кто на собраниях рабочих терпеливо, но с увлечением и непреклонной логикой разъясняет сущность рабочей революции и вытекающие из нее последствия, необходимость сплочения и абсолютного единства в рабочем движении? Михаил говорил: «партия и профсоюз—вот две крепости, которые устоят против любого натиска буржуазии, в любую бурю выведут на верную дорогу“. Он на лету схватывал мысли и желания рабочих и быстро облекал их в литературную форму Рабинович (пока не было журнала „Сибирский горнорабочий“) поместил много статей в „Знамени Революции“, газете, издававшейся в Томске в 1917 году. Всякие поражения, отливы в рабочем движении . Михаил переживал всем своим существом и болел душой за весь рабочий класс.

На первом Сибирском с'езде горнорабочих было решено создать свой печатный орган, двухнедельный журнал „Сибирский Горнорабочий“ в Томске, сыгравший крупную роль в деле развития классового самосознания шахтеров. Рабинович выступает в качестве руководителя этим органом, помещая в каждом номере свои руководящие статьи по профессиональному движению.

Копикузовская панама, совершенного отказа уплаты рабочим их заработка, заставляет его ехать в Петроград, чтобы выяснить и направить в определенное русло вопрос о существовании и развитии угольных копей Сибири.

Но в Петрограде, ввиду громадных связей копикузовских директоров, тов. Рабиновичу не удалось добиться определенности, и ему пришлось на месте проводить национализацию угольных копей Михельсона.

Когда, при приближении чехо-словаков зашла речь об эвакуации, он решил остаться в Томске. Он не растерялся и не прятался в укромные места, как некоторые другие робкие и малодушные, а со свойственным ему энтузиазмом принялся за работу по восстановлению расшатавшихся и распавшихся организаций.

Кто видел его в то время, кто наблюдал его за работой в тот период, тот неоднократно задавал себе вопрос, откуда берется столько энергии, где, в каком еще классе, в какой еще партии могут быть такие бескорыстные преданные делу работники. Таких работников выдвигала и выдвигает только пролетарская среда, такие работники мыслимы только в нашей коммунистической партии.

Он был душой Совета профессиональных союзов, организовавшегося в Томске после чехо-словацкого переворота. Он был главным застрельщиком того горнорабочего с'езда, который в августе 1918 года напугал едва оправившуюся томскую буржуазию, ее правительство и ее лакеев—эсеров.

Горнорабочие выбрали Рабиновича своим представителем в Сибирскую областную думу. Какую роль в этом черносотенном учреждении должен был играть Рабинович в то время—известно всем.

Когда эсэры были сметены и власть в Сибири целиком очутилась в руках самой черной реакции,—Рабинович перешел на нелегальное положение и принял участие в подпольной работе нашей партии. Зная какое важное значение имеет для организации Суховерхов, он всячески старался и делал всевозможные попытки, чтобы спасти своего друга и товарища от гибели, и глубоко страдал от того, что эти попытки не увенчались успехом.

Во время колчаковского владычества, Рабинович был членом 1 областного комитета РКП и секретарем 2 областного комитета. Он же принимал участие в организации обоих восстаний в Омске.

В марте 1919 года Рабиновича арестовали в Омске, куда он прибыл, чтобы принять участие в работах партийной конференции. Его выдал провокатор.

Рабиновича подвергли мучительной пытке. Его тело жгли каленым железом. Он стойчески перенес все страдания. Мучители ничего от него не добились: ни признания, ни сожаления. Он не дрогнул и тогда, когда его повели на казнь. Он ушел в могилу, как герой.

Франц Суховерхов.

Сычев, Михаил Иванович, он же Федор Алексеевич Суховерхов, он же Франц Семенович Кравзин, он-же Франц Иванович Суховерхов и еще под многими именами и кличками известен был наш „Франц",—как попросту мы называли его в разных местах России и Сибири за все время его революционной деятельности, а она была бурная, кипучая, страстная.

Мещанин посада Злынки (Новозыбковского уезда, Черниговской губ.), каменьщик по профессии, он самоучкой выучился читать и писать. В 1903 году вступил он в партию и в том-же году был впервые арестован за забастовку в бывшем царском имении „Беловежская пуща". С этого года начинаются скитания и мытарства по царским тюрьмам и ссылкам. В общей сложности Франц пробыл в тюрьме около 4 лет, прожил нелегально более 9 лет, получил военную ссылку' астраханскую административную ссылку на 5 лет, нарымскую административную ссылку на 3 года, был арестован 13 раз, бежал из под ареста, обыска и тюрьмы 4 раза, судился судебной палатой 2 раза и привлекался по статьям 102, 126, 132, 125 и 121.

Февральская революция застала Франца в Кольчугино, где горнорабочие укрывали его от царских ищеек. Вместе с Нахановичем он принимал участие в военно-социалистическом союзе.

После революции, Франц занялся организацией профессиональных союзов среди горнорабочих, которые на одном из с'ездов выбрали его председателем западно-сибирского областного бюро горнорабочих и членом областного комитета Советов раб. и солд. депутатов Западной Сибири,

Горнорабочие-же выставили его кандидатуру в учредительное собрание.

„Каждый день, потраченный на разрушение промышленности, потребует от создающих эту промышленность рабочих несколько месяцев напряженной работы только для того, чтобы восстановить разрушенное. *)

Так говорил т. Франц Суховерхов, и ни этих слов, ни самого товарища никогда не забудут рабочие сибирских копей: т. Суховерхов-Сычев был действи-

*) На сибирских копях, рудниках и приисках в 1917 и 18 г.г. владельцы и их директора больше занимались разрушением, явным и тайным саботажем и меньше всего думали о созидательной работе в промышленности.

тельным вождем рабочих. Его руководство конференциями (он провел две конференции в Судженско Анжерском районе и несколько конференций в Кемерове, Кольчугине, на Гурьевском заводе) и практическая работа в бюро горнорабочих и в облисполкоме в Томске в качестве зам. председателя, где председателем был известный профессор Введенский, делает его вполне достойным этого имени.

В той и в другой организации с одинаковой последовательностью Франц проводил твердую линию отстаивания рабочих интересов, которые он видел в развитии производства горных предприятий Сибири. Еще тогда у т. Франца созрел план об'единения всех каменноугольных предприятий Кузнецкого бассейна в одно неделимое целое под руководством центрального правления по хозяйствующей и по профессиональной линии. „Недалек тот день говорил он—когда на место Кольчугинских маленьких копей и Судженско Анжерского рабочего поселка будут созданы руками самих рабочих грандиозные города, фабрики, заводы—краса и гордость искусства рабочего класса".

Июньский переворот застает Франца в Москве, куда он был делегирован от западно-сибирского бюро горнорабочих для окончательного выяснения вопроса о национализации Кузнецких копей и на конференцию профсоюзов. По распоряжению Цека, Франц пробирается в Сибирь для организации восстаний в тылу белой армии.

Обладая громадным организаторским талантом, он собирает воедино разрозненные и мечущиеся „без руля и без ветрил" партийные силы и в центре бушующих врагов создает сплоченную, крепко спаянную подпольную партийную организацию и становится во главе ее боевого штаба.

За короткий период, за три месяца—август, сентябрь, октябрь,—он успел связаться с черемховскими рабочими, организовать стачку и два раза провести несколько пудов литературы для вновь собранных молодых новобранцев, ведя среди них пропаганду против колчаковского правительства. Подпольный станок имелся в то время в Красноярске, куда организация откомандировала его за прокламациями. Когда Франц возращался с прокламациями, то был выдан одним предателем. Пепеляевцы захватили Франца с поличным на ст. Тайга и предали его военно-полевому суду. Судьба Франца была решена.

Попытки устроить ему побег успеха не имели.

В день казни, оставшиеся на воле, товарищи получили от него следующую записку:

„Дорогие товарищи. Военно-полевым судом приговорен к смертной казни, которая будет приведена в исполнение через два часа. Умираю за социальную справедливость. Шлю привет. Франц".

15 октября 1918 г. его расстреляли.

Одному из товарищей пришлось разговаривать с солдатом, который был свидетелем последних минут Франца. Солдат этот сказал ему: „Их было двое: Ваш Франц и еще один машинист—забастовщик, имени которого не помню. На рассвете вывели их из арестантского вагона, который стоял у томского вокзала и повели к опушке леса, где чернели две ямы. Прочли смертный приговор, сняли верхнюю одежду и поставили спиной к ямам. Смертники были спокойны. Франц подарил свои часы одному из солдат. Раздалась команда, а вслед за ней залп. Оба упали в ямы. Солдаты закопали их. Мы, солдаты только присутствовали, даже без ружей. Расстреливал взвод прапорщиков и юнкеров".

Исай Леонтьевич Нахaнович.

После чехо-словацкого переворота, томские белогвардейцы и черносотенцы всю свою злобу и жажду мести сконцентрировали на Нахановиче. И понятно почему. Из всех томских партийных и советских работников Наханович был самым решительным и самым выдержанным. Каждым своим шагом и каждым своим поступком Наханович давал всем понять, что он верный воин коммуни-

стической идеи и верный страж Советской власти. Все это видели, все это чувствовали.

Человек безупречной честности и редкой искренности, Наханович с изумительной серьезностью и добросовестностью относился ко всякому делу, за которое брался и которое ему поручали. Даже враги, которые являлись к нему по делам, уходили, унося самое лучшее впечатление о нем, как о человеке и администраторе.

Наханович, правильнее сказать, Владимир, как все называли его,—так как под этой кличкой он был известен в подпольных организациях царского периода,—родился в 1889 г. Он сын крестьянина Забайкальской области. По профессии—наборщик. В партию вступил в 1907 г. В первый раз был арестован в Чите в 1910 г. и присужден к одному году крепости. В 1913 г. вторично арестован за распространение прокламаций протеста против избиения на Нерчинской каторге. Нахановича сослали в Киренск, откуда, кстати сказать, при содействии „бабушки" Брешко-Брешковской, бежал. Заметая следы, Наханович очутился в другом конце России, в Баку, где 18 июля 1914 г. был снова арестован за участие в забастовке нефтяных рабочих. Последовала вторичная ссылка в Киренск и вторичный побег оттуда, на этот раз в Томск, где работал в качестве наборщика, проживая под фамилией „Очередин".

В Томске он принимал деятельное участие в работах военно-социалистического союза, который был организован бывшими нарымскими ссыльными, взятыми во время войны в солдаты.

С прокламациями этого союза Наханович был арестован 10 янв. 1917 г.

Февральская революция освободила его из Томской тюрьмы и он в тот-же день помчался в типографию, чтобы собственными руками набрать первую в свободном Томске прокламацию, раз'яснявшую населению, главным образом рабочим, о том, что рухнул царский трон.

После Февральской революции, Наханович занялся организацией горнорабочих. С этой целью он об'ехал все сибирские шахты и прииски.

Октябрьский переворот застал его в Петрограде, куда он был делегирован на с'езд советов. Он голосовал, конечно, за то, чтобы власть была взята рабочими и крестьянами, о чем нередко вспоминал даже с некоторой гордостью. В звратившись в Томск, он немедленно со свойственной ему последовательностью принялся за организацию Советской власти. Его назначили комиссаром юстиции. Этого обстоятельства наша хваленая сибирская интеллигенция не могла простить ему. „Как возымел дерзость,—писала буржуазная пресса после чехо-словацкого переворота—этот недоучка, окончивший только двухклассное училище, занять должность комиссара юстиции". Но что этот „недоучка" по своему уму, знаниям, способностям, благородству, честности и нравственному укладу стоял тремя головами выше всей этой буржуазной интеллигенции, так клеветавшей на него, это знаем мы, наблюдавшие Нахановича за работой и встречавшиеся с ним в частной жизни.

Для характеристики Нахановича не лишним считаю привести следующий факт. Когда эс-эр Павел Михайлов, бывший некогда самым лучшим другом Нахановича, стоял у власти, то он просил узнать, чем он может быть полезен Нахановичу, томившемуся после чехо-словацкого переворота в тюрьме. „Ничем—ответил Владимир—от партийных врагов, от правых эс-эров, хотя-бы и бывших друзей, не желаю ни помощи, ни подачек".

Перу Нахановича принадлежит очень много публицистических статей, большая часть которых была в свое время напечатана в томских газетах: „Знамя Революции" и „Рабочее Знамя".

Свою фамилию Наханович подписывал редко. В печати он выступал под псевдонимами: Очередин, Навич, Санкюлот.

Чехо-словацкий переворот застал Нахановича в пути: он возвращался в Томск из Омска, где участвовал на с'езде сибирских комиссаров юстиции. По дороге чехо-словаки арестовали его. Когда поезд, замедляя ход, приближался к

Новониколаевску, Наханович, улучив удобную минуту, соскочил и пешком направился в Томск, куда он прибыл в тот день, когда совет успел уже эвакуироваться, а город находился в руках белогвардейцев.

„Вы спасли Россию. Спасибо вам от ее имени“—сказал полковник Сумароков мальчишке, который в надежде на денежное вознаграждение сообщил в черный стан о появлении Нахановича.

В тюрьме Нахановича держали в одиночке под самым бдительным надзором. К своему незавидному положению он относился крайне равнодушно, чем еще более озлобляя своих тюремщиков.

В ночь на 17 октября 1918 г. Нахановича неожиданно вывели из тюрьмы. Вместе с другими двенадцатью товарищами его посадили на грузовой автомобиль и отправили на вокзал, где находился готовый к от‘езду поезд генерала Пепеляева.

Арестованных поместили в вагоне и дали им понять, что скоро повезут на расстрел. Меня, бывшего невольным свидетелем этих тяжелых минут, поражало то стоическое спокойствие, с которым Наханович относился к ожидаемой его участи. Улыбка все время не сходила с его лица. Все то же беззаботное веселье, все те-же шутки, да прибаутки, на которые он был большой мастер.

Арестованных, однако, не расстреляли. Их доставили в Екатеринбург и препроводили в качестве заложников в тюрьму, где поместили в подвальном этаже, в сырой холодной камере. Тяжелы были тюремные условия и если уныние и отчаяние не охватили всех его сокамерников, так только потому, что Наханович поддерживал их бодрость и никому из них не дал падать духом.

Он был уверен, что белые долго не удержат Сибирь и Урал и эту уверенность вселил всем. Когда по тюрьме разнесся слух, что пред эвакуацией Екатеринбурга, тюремная администрация, согласно данному ей распоряжению, расстреляет томичей, Наханович заметил: „это не важно, пусть мы умрем, но коммунизм восторжествует“.

10 июля эвакуировали Екатеринбургскую тюрьму. Я не стану описывать все те мучения, страдания, испытания и мытарства, которые выпали на долю эвакуированных. Кому они неизвестны. Скажу только, что сыпной тиф, перенесенный в тюремных условиях, надломил этот мощный духом организм. Еще слабым, неоправившимся, еле волочившим ноги, сначала пешком, а затем в вагоне белые угнали его в глубь Сибири. Около станции Иннокентьевская он умер в вагоне от дизентерии, умер на глазах товарищей, которые ничем не могли ему помочь.

Труп его, как уверяют, сожгли.

В. Вегман.

Аркадий Федорович Иванов.

Иванов родился 24 января 1881 г. в Петрограде. В 1903 г. он, будучи еще студентом петроградского университета, вступил в партию и в том же году был арестован. Продержав в тюрьме 11 месяцев, его выпустили на свободу. С тех пор началась для Аркадия та полная невзгод и лишений скитальческая жизнь, которая так характерна была для всех партийных работников того времени. Где он только не был, куда только партийные дела его не загоняли и какие только партийные поручения ему не давались: то он в Гомеле, то в Петрограде, то в Одессе, где проводит кампанию по выборам во вторую государственную думу, то он в Финляндии, откуда пробирается на наш партийный с‘езд в Лондон. Заметая следы, он ночует то на одной, то на другой конспиративной квартире, прописывался, где необходимо то по одной, то по другой „фальшивке“, называясь то одной, то другой кличкой—всех их не перечислишь.

Вернувшись с Лондонского с‘езда и отбыв по суду шестимесячное тюремное заключение за редактирование газеты „Северная земля“, Иванов делегируется партией для работы при соц. демократической фракции думы. Вскоре его вновь арестовали и сослали в Нарымский край.

Отбыв ссылку, Иванов поселился в Томске, где и застала его февральская революция.

В качестве начальника Томской милиции, он проявил редкую деловитость и распорядительность по ликвидации царизма.

Как только новая власть укрепилась, Иванов оставил пост начальника милиции и предался партийной работе, попутно занимая некоторые другие ответственные должности. На 4 Всерос. с'езде советов Иванов, между прочим, был избран в члены ВЦИК.

С особой последовательностью и настойчивостью Иванов, после октябрьского переворота проводил все предначертания Советской власти. К его голосу прислушивались, с его мнением считались, его совету неоднократно следовали. В нем ценили самого разностороннего работника. Знали, что на какой бы пост его ни поставили, он всегда будет на своем месте.

Советами Сибири он был вызван в Омск, где избран в Центр. Исполн. Комитет Сибири и назначен комиссаром финансов. Особенно проявить себя на этом посту он не успел, так как вскоре разыгралась чехо-словацкая авантюра.

Сибирский ЦИК делегировал Иванова для мирных переговоров с чехо-словаками. Иванову сопутствовал американский консул Гаррисон. Гайда „любезно" принял Иванова, обещал ему даже личную неприкосновенность, но в переговоры с большевиками вступать не соглашался.

25 июля Иванова арестовали в Красноярске, а в сентябре его перевезли в Томскую тюрьму.

В ночь на 24 октября Иванов вместе с шестью другими товарищами был белогвардейцами вывезен из Томской тюрьмы и на станции Кольчугино зверски замучен: на теле, кроме огнестрельных, имелись и штыковые раны. За несколько дней до расстрела Иванов писал своей жене: „я спокоен и только одна у меня к тебе большущая просьба: будь тверда. Чтобы ни случилось—не сетуй и не горюй. Когда дела решаются пушками и штыками, словами делу не поможешь".

Иванов предвидел, что его ждет. Иванов знал, что его, стоявшего за решительную борьбу с врагами пролетариата, буржуазия не пощадит.

Карл Ильмер.

Сын крестьянина. Он родился в глухой деревушке Латвии. Его колыбелью являлись непроходимые леса и маленькая реченка, которая, извиваясь, текла между холмами. Жалкая, бедная, темная деревушка, каторжный, беспрестанный труд—вот условия его жизни. И когда 17 лет он попал в город, в железные тиски торжествующего капитализма,—он понял, что маленькая слабая деревушка будет задушена. Чудовищный спрут протягивал уже свои лапы по деревням, по полям и лесам. И рядом с ним вставала новая рать—грозный могильщик капитализма, чудовищные фабрики, заводы и кузницы, звенящие голоса трамваев и красный призрак гнева и возмущения, встававший в лице рабочего класса. Где правда? Кто победит? Он поверил, он почувствовал, он знал, что победит тот, кто разрушает старое. Это было в 12 году в Риге. Там он вступил в с. д. организацию. И с этих пор тюрьма и ссылка еще крепче заставили его держать оружие, которое он завоевал. Его мировоззрение все более и более вырабатывается. И ссылка в Нарым послужила для него хорошей школой.

Порывистый, живой и, в то же время, непреклонный, как молодой лев,— таков он был. К его энергии присоединялась та непреклонность, твердость в действии, которая ворочает горами. Его нельзя было победить. Он отдаст свою жизнь, но никогда враг не услышит от него ничего, кроме насмешки. Во время революции он отдал свою энергию, свою волю на то, чтобы кормить рабочих красных столиц. Здесь, в Сибири, в стране хлеба, он все силы положил на то, чтобы этот хлеб шел к голодающим товарищам. И когда контр-революция же-

лезной стеной отгородила Сибирь от Советской России, он все силы и жизнь отдал на борьбу с реакцией.

В этой борьбе нужна была сильная воля—и он ее имел, нужна была железная непреклонность—и он был полон ею. Работая в Томском партийно-военном штабе, организуя восстания, он бесконечно верил, что победа близка, что один нажим мощный, уверенный—и контр-революция будет разбита. Жизнь показала другое. Измена вырвала из рядов борцов наших лучших товарищей.

Победа пришла после долгих месяцев борьбы.

Его непреклонная воля толкала его всюду в первые ряды, туда, где была наибольшая опасность. И в восстании в Томске, в марте месяце 1919 г., которое было разбито, он был в первых рядах. Он начал дело. Он первый бросился на врага и погиб вместе с другими.

Это была необычайно цельная натура. Это был человек точно выбитый из гранита, зажженный энтузиазмом, верой в победу рабочей революции, слепо отдававший себя на самое смелое, самое рискованное боевое дело. Когда он был арестован и когда его пытали беспощадно, как умеют пытать палачи, от него не услышали ни одного слова с просьбой о пощаде. И его замучили без жалкой комедии с военно-полевым судом. Он умер, как должен умирать коммунист, отдавший рабочей революции все силы, все стороны своей души. Молодой, сильный, полный энтузиазма, он был замучен. Вечное проклятие его палачам!

Яков Боград.

Яков Боград—старый партийный работник, известен по кличке „Фрей". Во время войны царское правительство разрешило ему из туруханской ссылки, куда его загнали из Одессы, переехать в Красноярск лечиться. Здесь застала его революция. Он не захотел вернуться на родину. „Там—говорил он—работников много. Предпочитаю остаться здесь, где во мне больше нуждаются". Он, хотя и считал себя интернационалистом, но всегда тяготел к нашей партии, а после октябрьского переворота окончательно связал себя с нами. Он кончил три факультета: математический, юридический и философский. Был он человек начитанный, с большой эрудицией и хорошими ораторскими способностями. Вся его деятельность в Сибири протекала в агитации: он читал лекции и доклады, выступал на митингах и собраниях. Белогвардейский переворот застал его на одной из угольных копей. Шахтеры отказались выдать его палачам. Белогвардейцы блокировали копи. С большим трудом Бограду удалось уговорить шахтеров в бесполезности сопротивления. Он сам отдался в руки палачей. Его больного (он страдал слоновой болезнью) держали в красноярской тюрьме в качестве заложника и затем расстреляли.

Григорий Спиридонович Вейнбаум.

Он был старым ссыльным революционером, пришедшим к рабочему коммунизму через годы блужданий в рядах оборонцев и соглашателей.

Т. Вейнбаум был европейски образованным человеком: он свободно владел несколькими иностранными языками и был, в полном смысле этого слова, знатоком буржуазной дипломатии. Его изумительная память всегда хранила богатый архив всевозможных тайных и явных договоров, нот и посланий, какими обычно министры капиталистических правительств, точно пауки, паутиной опутывают трудящихся всех стран, втравливая их в братоубийственные войны.

Вполне понятно, поэтому, что когда в Сибири победила рабочая революция и стало неотложно необходимым создать местный советский дипломатический центр, свое рабочее „недремлющее око" по надзору за дальневосточными коршунами в лице консулов капиталистических правительств Японии, Англии, Франции, Америки и пр., то выбор пал именно на тов. Гр. Вейнбаума.

Вскоре же специальным декретом Всероссийского Совнаркома он и был назначен комиссаром по иностранным делам Сибири.

Но это назначение не повлекло за собою ухода тов. Г. Вейнбаума от текущей практической работы, которую он добровольно исполнял в качестве председателя Красноярского и Губернского Исполнительного Комитета Советов. Здесь он работал не покладая рук до самого последнего дня. Его энергии красноярские рабочие были обязаны тем, что авантюра местного семеновца, атамана Сотникова, оказалась безболезненно ликвидированной: Сотников вместе со своим казачьим отрядом позорно бежал из Красноярска, благодаря чему населению удалось избежать ужасного уличного боя.

Страстный оратор, т. Вейнбаум своими глубокими речами на 1-м Всесибирском с'езде советов, в начале октября 1917 года, помог развенчать тот „гражданский мир", который установился в восточной Сибири и ее политическом центре—г. Иркутске с легкой руки, работавшего там в первые дни революции 1917 г. творца русского соглашательства,—Церетелли, помог утвердить там Советскую власть.

Перед силой страстных и глубоко обоснованных слов т. Вейнбаума всегда блекли речи противников.

Тов. Гр. Вейнбаум был убит чехо-словацкими палачами не в равном бою, а пленный, обезоруженный.

Они вывели его из тюрьмы и где то убили, боясь даже назвать место его казни, зная заранее, что оно превратится в место паломничества и демонстраций.

Илья Белопольский.

Сухой, жилистый и нервный, вечно порывистый протестант и отличный работник в мире кропотливой, будничной работы.

Вот краткие черты характера и внешности, зверски убитого чехо-словацкими палачами в г. Красноярске, одного из типичных представителей рабочего коммунизма в Сибири.

Кто из старых работников революции не знал у нас тов. Илью Белопольского или иначе Илью Твердокаменного, как его прозвали товарищи за необычайную чистоту и устойчивость убеждений.

Кто из старой енисейской ссылки не знал этого, вечно пылавшего огнем революционного вдохновения, борца, постоянно клеймившего все половинчатое, все приспособляющееся.

До ссылки он был рабочим печатного дела. В ссылке нужда заставила его сделаться портным. Незадолго до революции 1917 г. он перебрался в ближайший город поступил куда то в контору и снова отдался революционно-классовой работе.

Товарищ Илья был поистине основателем широкой пролетарской партии в Сибири. Он был первым в рядах той „шестерки", *) которая в начале марта 1917 г. подняла в Сибири бунт против соглашательства, откололась от „об'единенных с.-д." и создала первую в Сибири организацию большевиков: местную—красноярскую и центральную—„Средне-Сибирское Бюро центрального комитета партии большевиков" и такой же первый печатный орган—газету „Сибирская Правда".

Он был первым большевиком, отказавшимся от муниципального парламентаризма (от вхождения в гор. думу). **)

Он был первый противник вхождения в партию коммунистического пролетариата колеблющейся интеллигенции и ее „об'единенной" с.-д. организации (по местному „болотовцев").

Но он не был узким сектантом.

---

*) 1) Ал. Ро—ов, 2) Ил. Белопольский, 3) Ан. Червонный, 4) Вал. Яковлев, 5) Четник и 6) Черных.

**) Вместе с пятью товарищами упомянутой „шестерки",

Дитя своего класса, он только больше чумы боялся, чтобы интеллигенция не принесла в ряды пролетариата свои вечные сомнения, свою вечную половинчатость, язву массобоязни, яд разложения.

И боялся он не напрасно. Интеллигенция, как класс, вскоре же отшатнулась от „крайностей“ рабочей революции и очутилась в стане ее наиболее непримиримых врагов.

Ясный рабочий ум т. И. Белопольского предвидел эти последствия и за все время существования в Сибири Советской власти был самым чутким барометром, определяющим меру опасности, грозящей ей именно с этой стороны.

Когда в Сибири победила рабочая революция и наступила трудовая пора Советской власти, тов. И. Белопольский из вечного „говоруна“ и „критика“, как любили его раньше называть противники, превратился в самого аккуратного работника-практика Енис. советского губ. комиссариата, круглые сутки отдававшего себя работе по организации и управлению губернией.

После июльского переворота, под покровом ночной темноты, в красноярскую тюрьму ворвались чехо-словацкие палачи и взяли из среды заключенных всю „идейную головку“. Взяли они и тов. И. Белопольского и где то за полотном ж. д. совершили свое гнусное дело.

Он погиб, но память о нем будет вечно жить в пролетарских сердцах.

Яков Федорович Дубровинский.

Он жил и работал в том же городе, где и т. И. Белопольский, в том же „сердце“ сибирского большевизма, в Красноярске и, увы,—там же от тех же палачей нашел свою славную мученическую смерть. Он не был рабочим. Это был интеллигент, один из тех немногих благородных одиночек—„рыцарей духа“, которые порвали со своим классом, чтобы занять более скромное и более благородное место в пролетарских рядах. Он также перенес тяжкий искус страданий по казематам и лишь ценою многих лет нелегальщины откупился от каторги и ссылки.

Но ни годы страданий, ни тяжелый физический недуг не могли сломить упорства этого идеалиста-революционера.

Как с.-д. меньшевик, до революции 1917 г., он не мог быть в передовых рядах пролетариата. Но уже с начала этого революционного взрыва, почуявший отдельные раскаты приближающейся рабочей революции, он в качестве вождя красноярской организации „об‘единенцев“ вместе со всеми ее членами становится под знамена нашей партии и до самых последних дней своей жизни занимает в ней одно из первых мест. Он выдвигается кандидатом в учредительное собрание и избирается Красноярским городским головой. Он работает не покладая рук в городском самоуправлении, и в Красноярском совете, одно время, как председатель последнего, а затем, как рядовой его член.

Июньский переворот, севершенный наймитами англо французского капитала и белогвардейскими бандами, заставляет т. Я. Дубровинского стать во главе одного из красноармейских отрядов, вместе с которым он и был пленен. Его заточили в Красноярскую тюрьму, а затем ночью вывели и где то трусливо, по-разбойничьи убили.

Так оборвалась эта дорогая для сибирских коммунистов жизнь.

Ада Павловна Лебедева. Пекаж. Зина Гущик. „Красная бабушка“—Шамшина.

Любимица Красноярского пролетариата Ада Лебедева—небольшого роста, выглядевшая очень молодо (ей было 30 с чем то лет), худенькая, хрупкая, но с большим сильным голосом, прекрасный оратор и организатор, быстро завоевавшая симпатии и уважение всей организации коммунистов, в которую она вступила

весной 18 г. Ада Павловна,—уроженка Енисейска, старая революционерка. Она была с.-р.. работала, главным образом, в военных организациях. Революция ее застала в минусинской ссылке, куда она была сослана из Петрограда. Немедленно она выехала из нее, направляясь в Питер, но в Красноярске она была задержана своей организацией, как и муж ее, тов. Вейнбаум и оба оставлены были там для работы. Она с первых же дней внесла раскол в с.-р. организацию и вскоре же выделилась с довольно большой группой видных работников, левых с.-р. и сейчас-же организовала издание газеты „Интернационал". Эта группа левых с.-р. была первой не только в Сибири, но и во всей России. Затем будучи на с'езде в Питере, она не малую роль сыграла в расколе партийного центра и в выходе группы левых с.-р. во главе с Комковым из правой с. р. партии. Но уже весной 18 г. она вступает, почти целиком со всей группой левых с.-р., вождем которой она была, в партию коммунистов. Она пользовалась большим доверием и уважением со стороны коммунистов, когда была еще и в левой с.-р. организации, и работая много в Совете и губисполкоме, она несколько раз была командирована на Всероссийские и общесибирские с'езды. Затем ее назначают редактором „Известий" Красноярского губисполкома и, вместе с этим, она работает пропагандисткой в пролетарских массах. Когда вспыхнула эсэровско-казачья авантюра (сотниковская) в феврале 18 г. она берется за оружие, занимает руководящее место в военной организации Совета.

Когда с.-р. окончательно предали пролетариат, прибегнув к чешским винтовкам, чтобы задушить революцию, Ада Лебедева переносит свою деятельность уже почти исключительно в военную организацию, разгрузившись от всех остальных работ, но не оставляя пропагандистской в рабочих массах. Перед этим она приезжала вместе с т. Боградом в Минусинск, чтоб раскачать крестьянство на помощь хлебом. Чтобы легче было справиться со своими боевыми задачами, Ада переодевается в мужской военный костюм и вооружается по боевому. Она несла караул в самых ответственных и опасных местах. Последние сутки перед эвакуацией Красноярска она не покидала поста у губиспокома, где должна была быть обеспечена самая преданная охрана. Во время перевозки ценностей на пароходы она была в отряде охраняющем их и отбивающим нападение белогвардейцев. Затем в отряде, отбивающим на берегу нападение раз'яренной белогвардейщины в момент отплытия экспедиции и только тогда, когда пароходы уже почти скрылись из глаз, буквально под градом пуль, отстреливаясь от желающих схватить ее, она с группой красногвардейцев села на лодки и догнала пароходы, поджидавшие их вдалеке.

Экспедиция была настигнута врагами в Туруханске на пароходе „Ангара", ушедшем от товарищей в дороге. Шли они к острову Диксону, откуда предполагали пробраться в Советскую Россию. В Туруханске они простояли 4 дня и готовы уже были сняться и итти дальше, как началось нападение. 8 июля произошел кровавый кошмар. Масса товарищей была перебита здесь-же, некоторые кончили самоубийством, не желая сдаться врагам живыми. Коммунистка Дымова зарезалась бритвой в тот момент когда ее схватили юнкера. Большинство разбежалось неорганизованно, кто небольшими группами, кто в одиночку, по тайге.

Ада Лебедева была поймана и доставлена в Красноярск с первой группой человек в 200—250, женщин было человек 20—25. В трюме парохода, она и т. Марковский (командующий войсками Красноярска) подверглись со стороны юнкеров особенно изощренным гнусным издевательствам. Но Варфоломеевская ночь началась лишь с прибытием в Красноярск. Прибыла партия пленных коммунистов в ночь на 27 июля. Правые социал-революционеры, стоявшие в то время у власти, заботливо послали за коммунистами своих друзей—казаков, чтоб препроводить их в тюрьму. На подмогу им, чтоб справиться с безоружными пленными, послали и офицеров и чехов. И вот, после гнусного обыска, какому никогда не подвергались заключенные даже при царизме, партию, окруженную в три цепи,—казачьей, офицерской и чешской,—двинули с пристаней к тюрьме, (несколько верст расстояния). И с первых же шагов началась дикая расправа. Стали избивать. Били всех, без исключения, пробираясь в самую гущу

арестованных, били прикладами, шашками, били кулаками, нагайками. Избиение это продолжалось несколько часов, пока дошли до тюрьмы. Избиение продолжалось некоторое время и во дворе тюрьмы. Медицинский персонал тюрьмы пришел на помощь. Стали быстро подбирать тяжело раненых. Оказалось очень много товарищей с глубоко рассеченными и разбитыми головами и плечами. Не хватило мест в тюремной больнице.

Но Ада Лебедева до тюрьмы не дошла. Не далеко от тюрьмы ее вырвал из рядов товарищей казак, набросив ей на шею аркан. Этим арканом он, волоча ее по земле, притащил к себе, затем вздернул вверх, к себе на коня, перебросил поперек седла и ускакал. Небольшое туловище Ады, в мужском костюме, похожей скорей на мальчика, беспомощно повисло на седле головой вниз. В последний раз промелькнуло перед товарищами ее милое лицо и скрылось...

Ее нашли через несколько часов под мостиком у речки Качи. Она была изрублена буквально в куски. Изнасилована. Живот распорот, груди отрезаны, глаза выколоты. Говорят, что она еще несколько минут дышала и произнесла даже какое то слово.

Так же на аркане были выхвачены и увезены товарищи Марковский и Печерский. Марковский прожил еще несколько часов и смог даже кое-что рассказать из того, что над ним проделали.

А вот еще два светлых образа из длинной вереницы, погибших в борьбе за свободу,—товарищи Пекаж и Гущик.

Обе они были выведены из Красноярской тюрьмы (с ними еще одна женщина—Бруновская) осенью 1919 г. и расстреляны (вернее растерзаны) с группой товарищей мужчин в 24 человека. Тов. Пекаж, лет 36—38, старая, закаленная коммунистка, прошедшая все этапы преследований социалистов царским правительством—и тюрьмы, и каторгу, и эмиграцию, и ссылку. Очень сильная натура, не останавливающаяся ни перед какими препятствиями. В Красноярске она много работала до свержения Советской власти, ее красноярский пролетариат хорошо знает, и часто рабочие, особенно работницы, навещали ее в тюрьме, заботясь о ней и о ее детях. Их было двое у нее. Мальчики 9 и 12 лет. Сидел и муж ее в тюрьме. Его вывели раньше. Дети в то время находились в одиночной камере у отца. Ночью его вывели от них и расстреляли. На другой день привели ребят к матери. Тяжелую драму пережили дети. Но не успела нанесенная им душевная рана затянуться, как врываются опять ночью в камеру, отрывают от них мать, уводят и ее для расстрела. Кто не представит себе состояние и матери и детей!.. Но бодро и спокойно попрощалась тов. Пекаж с детьми и с товарищами, с достоинством, гордо пошла и приняла казнь...

Зина Гущик, девятнадцатилетняя девушка, коммунистка. Молода она была, мало времени работала с нами, но много сделала. К нам ее привел октябрь. Она—дочь октября.

Ее стойкость, бодрость, решительность соответствовали ее крупной фигуре, какие редко встречаются среди женщин. Зину Гущик в Минусинске положительно везде можно было встретить, так как повсюду ее посылал совет с ответственными поручениями. А кто из товарищей не видел Зину в последние дни перед падением Советской власти, большую, смелую Зину с револьвером на боку, на маленькой лошади верхом, развозящую в разные концы Минусинска, под пулями врагов, распоряжения штаба и исполкома? Не раз ее и к стене ставили, но Зина спасалась, спасала и документы. Ездила она и в лес, окруженный со всех сторон казаками, чтоб вывезти оттуда труп убитого ими тов. Герасимова, но избежала и там казацких рук и пуль. Ярко проявила себя т. Гущик на администр.-хозяйств. работе в рабоче-крестьянских дружинах и на фронте во время Сотниковской авантюры. Вскоре после ареста она была переведена из минусинской в красноярскую тюрьму, где и выведена была на расстрел вместе с т. Пекаж и другими товарищами. На этот раз не избежала она казачьих пуль. Я видела их трупы, вырытые вместе с другими. Нет таких ярких слов и красок, чтоб точно передать ту картину, какую представляли собою ряды

трупов, замученных, истерзанных товарищей и, в частности, этих двух коммунисток.

Но не только в красноярской тюрьме были такие герои-женщины. Их десятки в каждой губернии Сибири. В настоящей брошюре нет места, чтоб посвятить им хотя бы по несколько слов. Это будет сделано в другом месте. Здесь-же приведу еще один светлый образ бабушки Анастасии Федоровны Шамшиной. Ее называли Красной бабушкой. И вполне заслуженно. Жила и погибла она в Новониколаевске. С 1902 г. ее квартира всегда была штабом для подпольной организации и подпольных товарищей. У нее было 4 сына и 3 дочери, [illegible] воспитанные в революционном духе. Старший сын был в Германии в плену. Два сына были арестованы в 18 г. и вскоре выведены из тюрьмы на расстрел, один из них был расстрелян, другому удалось бежать. И четвертый сын скрылся с первых дней падения Советской власти. Старшая дочь была замужем и жила своей семьей, вторая дочь тоже скрывалась и бабушка жила с последней, молоденькой девушкой Дуней. Бабушке покоя не давали,—в неделю два-три раза у нее русские, чешские и польские разведки производили обыски, выворачивая все, вплоть до половиц, вверх дном. Но бабушка не унывала, всегда была бодрая, веселая и жила только тем, что заботилась о тюрьме. Но вот и Дуню арестовали, стало совсем плохо. Ее скоро выпустили. В 19 г. пришел из германского плена старший сын Иван. Бабушке легче, он и работает, а она все заботится о товарищах, ходит в тюрьму. Приготовила красное знамя и далеко спрятала его, зашила в матрац,—ждет не дождется прихода красных, подарок приготовила к их приходу,—знамя. Но не пришлось ей, Красной бабушке, дождаться их. В сентябре, когда произошел провал Новониколаевской организации, арестовали и бабушку вместе с Иваном и Дуней. Бабушку так избили, что она не могла ни лежать, ни сидеть, все стояла на коленях. Но бодрости она не теряла и все успокаивала всех, стараясь скрыть свои муки. Но через несколько дней палачи положили конец всем ее мукам: они вывели ее вместе с сыном Иваном и за Сухарным заводом обоих расстреляли. Бодро и спокойно умерла дорогая Красная бабушка Шамшина, так много сделавшая на своем веку, несмотря на то, что не состояла даже членом коммунистической партии.

Много их, ярких, светлых, дорогих образов, погибших в борьбе за октябрьскую революцию. Много их своими нечеловеческими муками и страданиями, своей геройской борьбой давших возможность нам праздновать ныне пятую годовщину социальной революции. В день великого торжества склоним же свои обнаженные головы перед ними, перед памятью о них и да займут они в сердцах пролетариата то место, которое завоевали...

Е. Фаерман.

Сергей Георгиевич Лазо.

В ночь с 4 на 5 апреля 20 года во Владивостоке японцы устроили государственный переворот. Обезоружив части народно-революционной армии, устроив форменную резню во многих кварталах, они арестовали тех, кто был им особенно ненавистен, как активные руководители борьбы с японской интервенцией. В штабе они арестовали т. т. Луцкого, Сибирцева и Лазо, всех их продержали в тюрьме до 9 апреля, а 9 апреля ночью увели их по направлению Гнилого угла, *) японское командование и продажная газета „Владиво-Ниппо“ знали как велико будет негодование и скорбь всех знавших этих людей, и потому об'явили, что т. Лазо, „влекомый заманчивой прелестью свободной жизни среди сопок вновь ушел туда со своими верными партизанами“.

*) Зашив их в мешки, японцы передали их семеновским офицерам, которые бросили их в топку паровоза. Живыми сгорели все трое.

Тов. Лазо знает вся Сибирь, в особенности же товарищи из Забайкалья и всего русского востока. Т. Лазо был самым крупным человеком среди тех, кто боролся за Советы в Сибири на Забайкальском фронте. Из небольшой горсти добровольцев он быстро создал десятитысячную боеспособную и сильную „Красную армию“. Эта армия упорно боролась под командой т. Лазо с авантюристом Семеновым. Это было во время чехословацкого переворота. Т. Лазо заставил после 6-ти месячных жестоких боев бежать Семенова с его 40 тысячной армией, где был собран „цвет офицерства“, как об этом трубили сами семеновцы. Назначенный Центросибирью на Прибалтийский фронт, он немедленно, после этих шестимесячных боев, отправляется на театр боевых действий „бить чехов“, как говорили тогда. Но в это время силы противника значительно выросли. На помогу семеновцам пришли не только чехи, но и японцы. Семенов мстил за свое недавнее поражение и позорное бегство массовыми казнями и истреблением всего живого. Советы пали.

Тогда т. Лазо под Алексеевском организовал партизанский отряд и нанес удар японцам. Но он не мог собрать достаточно сил, чтобы закрепить за собою успех. Мы видим т. Лазо после того под Красноярском, затем в Приморской области т. Лазо командовал соединенными силами красных.

Даже Семенов, ненавидя Лазо, говорил: „если бы у меня были все офицеры, как Лазо, то я легко покорил бы большевиков“.

Летом 1919 г., испытав невероятные лишения, несколько недель скитаясь среди дикой тайги, Лазо серьезно заболел. В течение месяца он пролежал в шалаше, медленно поправляясь. Кое как оправившись, он быстро принялся за организацию новых отрядов. Ему помогало его большое знание народа и любовь к нему крестьян Сучанского района.

3-го апреля во Владивостоке собрался совет. Для японских капиталистов это было хорошим предлогом для расправы с революционными элементами на Востоке. И жертвою этой расправы пал Сергей Лазо. 3-го апреля во Владивостокском совете т. Лазо пропел свою лебединую песню. Он говорил: „пусть мы здесь слабы, пусть нас может раздавить один удар японского империализма, пусть этот удар разобьет совет, но он не может предотвратить неумолимого хода истории“.

„И в глаза угрожающему нам японскому империализму мы смотрим открыто, мы смотрим, как победители, да, как победители: когда два года тому назад наши товарищи пошли на Брестскую голгофу и заключили с немцами унизительный мир, тогда они писали, что на этих переговорах они чувствовали себя, как победители“.

Ныне мы воздаем лишь слабую дань памяти дорогого т. С. Г. Лазо, вспоминая о нем в годовщину Октябрьской революции.

Владивостокские и другие газеты долго-долго спрашивали на своих страницах: „где Лазо?“. По словам владивостокского поэта, даже „чайки, летя с рыбалки, беспокоятся: где Лазо?“...

Лучшее, что было в Лазо, осталось с нами, будет жить в памяти всех, знавших Лазо, останется в летописях великой борьбы за освобождение трудящихся в Сибири.

(Р. Ц. № 490). г. Новониколаевск Гостипография. Зак. 92-й. Тираж 5000.

